

НЕОШЫТНАЯ МУЗА.

С. Ч. Т.

9

И. В. Л. А.

Муза спасла меня отъ потопления.

НЕОПЫТНАЯ МУЗА

АННЫ БУНИНОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Шнора, 1809 года.

Съ дозволенія Санктпетербургскаго
Цензурнаго Комитета.

Ц И К Л О П Ъ.

Идиллія.

(Вольной переводъ Бескрипа).

Любовь! всесильная любовь; гдѣ средства въ мірѣ,
Могущія пвой лдъ изъ сердца испребишь?
Ихъ нѣтъ законъ судебъ: поминься и любить;
Но шайнство у Музь сокрѣпо въ спройной лирѣ,
Пипая спрасть, ея жестокости смягчать.
Люби — и пой; ~~тѣбѣ~~ менѣ спрадать.

Такъ Полифемъ, Циклопъ несчастный,
Съ свирѣлю соглася свой голосъ спрастный
Уединяя опъ всѣхъ; любовь свою пѣвалъ.
Свирѣпый рокъ ему, къ напасни, предписалъ
Во цвѣтѣ лѣтъ своихъ увидѣть Галашею,
Прелестиную изъ Нимфъ морскихъ ближайшихъ водъ,
И сердце мирное воспламенилось ею

Текутъ дни — мѣсяцы — проходишь годъ:

А Полифемъ живя одною спрастною

Забывъ себя, друзей;

Спокойно предаешь шпада свои ненастью

И лютоспи лѣсныхъ звѣрей.

Не розы для него любовь приготавлила,

Не миршовой вѣнки въ награду мукъ сплела;

Но пернемъ свила его несчастны дни,

Но адскимъ Фуриямъ подобно, духъ перзала,

И вздохи вѣчныя готовила одни.

О Полифемъ! ужель опчаянье, напасши

Удѣль чувствившительныхъ? Ужель перемѣняшь

Не лзя суровой часши?

Не лзя но Полифемъ умѣль ее смягчашь.

Опъ ушра раняго до позднїя Авроры

Вперя унылыя на море взоры,

Какъ будшо спражь его, вседневно онъ сидѣль,

На каменныхъ верьхахъ високаго утеса,

Нося въ груди спрѣлу, месшь злобною дщери Зевса,

И пакъ свои спраданья пѣль:

О пы, прелестная! краса и чудо свѣла!

Копорой милья успа алѣй

Пылающей зари средь лѣла,

Копорая сыровъ моихъ бѣлѣй,

Нѣжнѣй ягнпть, пельцовъ быспрѣй,

Рѣзвящихся подь пѣвню лѣла,

И непреклоннѣ кремнистаго утеса.

Люблю шебя а пы меня бѣжишь,

Бываешь здѣсь, какъ сонъ глаза мои смыкаешь,

Едва проснусь, къ волнамъ спѣшишь.

Столь агнца робкаго волкъ хищный не смущаешь,

Какъ я шебя собой пугаю всякой разь.

Увы, жестокая! еще въ шопъ самый часъ,

Когда пы съ матерью моею приходила

На эполъ холмъ вѣнки изъ гіацинтовъ вишь,
 Еще тогда меня краса твоя плѣнила;
 Я провожалъ тебя — взглянулъ — и спалъ любить.
 Умру не измѣнясь а ты пренебрегаешь
 Но что безчувственной? ... ты жалости не знаешь,
 И вопль за что моя опровержена любовь,
 И вопль причина вся споль жребія дурного,
 Что чрезъ чело мое, отъ уха до другаго,
 Проходитъ длинная щепинистая бровь,

Подъ коей глазъ одинъ — а надъ губами
 Нависъ широкой носъ, въ помъ вся моя бѣда.

Но съ сими малыми красами,
 Послушай, я пасу несчетныя спада,

И въ каждое годично время
 Пью сладкое млеко — ѣмъ вкусныя сыры;
 Всѣ кошицы мои погнулися отъ бремя,
 Къ пому жъ имѣю я природныя дары,

Могу не лживо похвалиться,
 Что ни одинъ Циклопъ со мною не сравнится
 Прилпнностью въ свирѣль играть;
 Не рѣдко мнѣ тебя случалось воспѣвать,

Средь мраковъ ночи темной.
 Я для тебя кормлю одиннадцать ягнятъ,

Волной покрывыжъ искренней,
 И чепырежъ еще питаю медвѣжатъ.

Приди, прелестная, въ сей гротъ уединенной
 Приняшь изъ рукъ моихъ гоповыя дары;
 Пускай о каменя утешислой горы

Яряся волны ударяютъ,
 Ни что уже тогда твоей не смущитъ покой.

Сей гротъ, украшенный природою одной,
 Со всѣхъ споровъ деревья осѣняютъ :

*

Гдѣ лавръ распешь, гдѣ плющъ, гдѣ зрѣеть виноградъ,

Гдѣ кипарисъ благоухаетъ ;

А гдѣ для нѣги и прохлады

Божественно пише спрунса испекаетъ

Изъ бѣлыхъ, Этною распощенныхъ снѣговъ ;

Всѣ ручейки мои воды поей полны.

Ужели симъ мѣспамъ, доспойнымъ и боговъ

Кпо можешъ предпочесль морскія волны?

Когда жъ шебѣ чрезъ чуръ космапымъ я кажусь,

Неугасаемый подѣ пепломъ огонь имѣю,

Иль, мыслишь, оробѣю?

Скажи, о милая! — на все рѣшусь....

Хотя бы пы сей глазь единспвенной, безцѣнной

Сожгла въ забаву для себя,

Я всяку жертву для шебя

Почпу — бездѣльной.

Ахъ! для чего мнѣ рокъ свирѣпый не судилъ

Родисься съ жабрами: погда бѣ съ тобою былъ ;

Тогда бѣ не знавъ разлуки горя

Послѣдовалъ шебѣ въ средину моря,

И спалъ бы памъ пвои я руки цѣловашъ,

Когда бы лобызашъ успа пы возбраняла;

Ты бѣ все изъ рукъ моихъ единыхъ получала:

То бѣ иногда шебѣ цвѣписпый макъ доспалъ ;

То бы принесъ душиспую лилею.

Я знаю, къ гореспи — и прежде зналъ,

Сколь море мило вамъ прохладою своею ;

Но только бы пловець къ брегамъ моимъ приспалъ,

Въ минупу плавать научусл,

И болѣе съ тобой во вѣкъ не разлучуся.

Приди ко мнѣ, приди, безмерпныхъ Нимфъ краса!

Приди, чшобъ позабышь клубящіяся воды:

Какъ я — узнавъ себя — съ того жъ часа
 Забыль весь міръ, и не ищу свободы
 Приди со мной моихъ овечекъ охраняшь,
 Мы спанемъ вмѣстѣ сырѣ съ побоею выжимаешь;
 Съ любящимъ, милая, мѣлькають годы
 Тебя, жестокосерда мать!
 Тебя въ своихъ бѣдахъ я долженъ упрекать;
 Тогда какъ опъ любви я сохну — увядаю —
 Ты знаешь и молчишь,
 И въ Нимфѣ жалости ко мнѣ не поселишь.
 Спрадай, жестокая, когда и я спрадаю;
 Скажу тебѣ, что я готовлюсь умирашь,
 Что голова болитъ, что не владѣють руки,
 Что будно на ногахъ не въ силахъ устоять;
 Пускай и ты со мной мои раздѣлишь муки,

О! ты, Циклопъ, Циклопъ, игра судьбины злой,
 Что спалоса съ побой? — гдѣ дѣлся разумъ пшвой?
 Ты щаспливѣ былъ въ своихъ прудахъ вседневныхъ,
 Начни кормить ягнятъ, начни корзинки плесъ;
 Не лучше ли по любишь, что ешь,
 И не мрачишь поской часовъ уединенныхъ,
 Чѣмъ каждый мигъ тебѣ гоняшься за мечшой,
 Которая тогда жъ — мгновенно улепаетъ?
 Какъ знашь, гдѣ щаспіе! ... быть можетъ, что съ другой
 Оно Циклопа ожидаетъ.
 Такъ! гордая! и мнѣ случалось замѣчать,
 Что Нимфы сельскія хопятъ со мной играть,
 И глядя на меня, съ приапношью смѣются;
 Ихъ также спроентъ спанъ — ихъ также кудри ~~вѣшаютъ~~,
 Съ такою жъ легкосью мѣлькають на холмахъ,
 Почти ешь сполько же приапношти въ уснахъ;

Почти тебѣ во всемъ подобны красотою:
Такъ видно, что и я чего нибудь да спою!
Къ чему жь мнѣ вѣрное на мнимое мѣнять,

И — непреклонную любя — помишься?

Опомнись, перестань за призраки спрадать
Нѣтъ! лучше съ жизнью, чѣмъ съ ними разлучиться.

Такъ спросишь свою Циклопъ пипая воспѣвалъ:
Равно любилъ; но менѣ спрадалъ.

Л И В І Я.

Идиллія.

(Переводъ).

К А М И Л Л А.

Что дѣлаешь ты здѣсь, съ открытой головою,
На солнечномъ жару — одна — помясь опъ зною,
Средь камней и песковъ?

Л И В І Я.

Ломаю сей утесъ.

К А М И Л Л А.

Не видишь ли, что онъ касается небесь,
И весь изъ мрамора?

Л И В І Я.

Все вижу — и ломаю.

К А М И Л Л А.

Что сдѣлалъ онъ? — за что?

Л И В І Я.

Себя караю.

Тогда какъ Эзлай бѣды мои узналъ,
Презрѣль — спенаніемъ и горестными игралъ;

Съ душею полною любви и напаси,
 Томясь въ мученіяхъ несчастной, люпой спраси,
 Я поперявъ весь умъ, скипалась въ сихъ мѣстахъ,
 И ложь опчаянну ~~сказала~~ на устахъ,
 Сказала: — „Ливія не любитъ Эзилай,
 Не думаетъ о немъ — мила ль ему другая —
 Аминпа ль, Дафна ли, мнѣ все теперь равно;
 Спокойствіе свое я берегу одно.“
 Тупъ эхо между горъ, слова пѣ повпоря,
 Твердило: *Ливія не любитъ Эзилай!*
 Тогда съ улыбкою прилегши на утесъ,
 Внимала я, какъ гуль слова мои понесъ
 Въ деревни, въ города, въ окрестныя предѣлы,
 И мя испоргнушь шѣмъ вонзенны въ сердце спрѣлы,
 Я льспилась, что могу съ словами разлюбипь,
 Могу окаменѣть — напасши прекрапитъ.
 Я льспилась — и лице веселіемъ покрылось;
 Но пламя любое въ груди моей шайлось:
 Палишь ее и ахъ! не гаснетъ опъ рѣчей!
 Весь адъ съ любовію ношу въ груди я сей.
 Вчера мнѣ Сильвія сказала, здѣсь гуляя:
 „Похвально, что любитъ не хочешь Эзилай!
 „Паспушки нашихъ спранъ швердятъ между собой:
 „Возможно ль то любитъ, что губитъ нашъ покой?
 „И Эзилай не богъ — подруга справедлива “
 Нѣтъ, Сильвія! нѣтъ, нѣтъ! подруга ваша жива.
 Гнушаюсь клеветой, хочу ее опкрыть,
 Чтѣшь съ испинной себя и съ вами примирить.
 Не богъ онъ но ужъ ли равны ему *Тирсисы,*
Меналки, Дафнисы, Милонь, Алексисы? —
 Знай, Сильвія! — любитъ его и переспать
 Есть поже для души, что живъ и не дышать.

„Такъ эхо въ сихъ скалахъ насъ все обольстило?“
 Оно вамъ ложныя слова лишь повшорило.
 Иду сей часъ его за то оцсель-изгнать ;
 Въ себѣ опмспитъ обманъ, съ нимъ вмѣстѣ поспрадапъ.
 И вопъ ужъ двѣ зари здѣсь Ливіа встрѣчаетъ,
 Дыханьемъ пламеннымъ ушесы согрѣваетъ ;
 А камни цѣлы всѣ

К А М И Л Л А.

Но не рукъ пвоей,
 Нецаспна Ливіа, свертитъ прудъ пляжкѣй сей,
 Умрешъ и жизнь пвоя во цвѣтѣхъ прекрапихся

Л И В І Я.

А съ ней минешъ напасъ, преспануть слезы лицъся,

МОЛИТВА ЛИНДАНЫ.

(Переводъ).

Въ одной прелестнѣйшей изъ милыхъ Фебѣ спранъ,
Между яворами — гдѣ лавръ, гдѣ миршъ, кашпанъ
Мѣщаютъ запахъ свой съ лимоннымъ, ананаснымъ;
Гдѣ самородные въ верхъ водометы бѣютъ;
Гдѣ воды свѣшля по янпарямъ текутъ;
Гдѣ эхо блѣдное унылымъ гласомъ, спрашнымъ,
Лишь арфъ невидимыхъ и лиръ звукъ впориптъ памъ
Съ начала міра былъ, какимъ-то зодчимъ чуднымъ,
Перуну грозному построены пышный храмъ,
Средь мраморныхъ сполповъ, со прономъ изумруднымъ.
Туда печальная Линдана путь нашла :

Одна съ несчастіемъ пришла.

Спустилась ночь, рукой на землю сыпая сны ;
 И свѣтъ капающей по яхонтамъ луны
 Проникъ сквозь мрачныя, высокія яворы ;
 На мрачное лице спящей дѣвы падъ,
 На поднытые вверху опчаянныя взоры ;
 И въ капль какъ росы, въ слезѣ ея игралъ ;
 Склоняясь на помосплъ, попомъ скользнулъ вдоль бѣрега
 Чрезъ чистый ручеекъ, гдѣ ванны Нимфъ стоятъ,
 Рубина алаго, подъ пѣнію грададъ,
 Чрезъ куполь золотой и шамъ бѣлѣйшии снѣга
 Онь мраморныя столпы лучемъ своимъ бѣлили :

Въ себѣ самомъ и въ нихъ свѣпили.

Опъ храма въ двухъ шагахъ, шуманами покрытый,
 Какъ черной маншіей, мужъ дѣшами маспипый,
 Приспавя перспъ къ уснамъ, задумчиво сидѣлъ.
 Нескромность, буйство, шумъ у ногъ его въ печали,
 Цѣпями скованы, помидись и молчали :
 Опъ перспа грознаго языкъ ихъ онѣмѣлъ.
 Близъ свѣпдаго ручья у корней пальмъ вѣшвиспыхъ,
 На грудь книгъ дремалъ голубоокій богъ ;
 И девять сеспръ вѣя вѣнки изъ лавръ душиспыхъ
 Хранили спящаго. Три Граціи у ногъ,
 На лиру опершись, блюди ея въ молчаньи :

Надъ мѣспомъ пѣмъ носилися сіяны.

Вдали мелькала пѣнь, какъ будто изъ паровъ,
 Чуть легкою стопой касаяся луговъ ;
 Безъ пороху, пайкомъ весь оспровъ обпекала,
 Прикрытая едва хламидою одной,
 Съ копьемъ при поясѣ, съ мерцаньемъ надъ главою :
 Въ одной рукѣ вѣсы, въ другой огонь держала.
 По ту спрану рѣки, на высотѣ холмовъ,
 Форпуна облегшись челомъ на Рогъ алмазный,
 Спрашася близкаго присуществія боговъ,
 Какъ спрогий судя, правдивый, безпристрастный,
 Готовила дары по качествамъ людей :

Повязки не было на ней.

✱

Безмерными полны тѣ были всѣ предѣлы ;
 Вездѣ разкиданы колчаны, шлемы, спирѣлы.
 На лиліяхъ, а гдѣ на розовыхъ кустахъ,
 Съ улыбкой кроткою Амуры почивали.
 Зефиры рѣзвые прохладу къ нимъ свѣдали,
 Лѣшая упомясь, на алыхъ ихъ устахъ,
 И въ свѣпныхъ локонахъ безопасно опдыхали ;
 Спускалися на грудь, еще смѣлае спавъ,
 Въ ихъ пламенныхъ сердцахъ бисіе счищали.
 Но сей, всеобщаго молчанія уставъ
 Вдругъ спономъ прерванъ былъ молящейся у трона ;
 Всѣ боги отъ него вздрогнули спона.

„О ны, кошораго едино мановеньё;
 Линдана начала, мірамъ даешь движеніе;
 Кошорый бросивъ взглядъ, имъ солнцы засвѣтилъ;
 Драконамъ, кроликамъ, зміямъ и мнѣ влилъ душу;
 Связалъ невидимымъ узломъ моря и сушу,
 И въ мрачномъ хаосѣ стихіи раздѣлилъ;
 Облекъ несчетныя планеты атмосферою;
 Провелъ рукой черпу, велѣлъ имъ печь по ней,
 И держишь пляжесль ихъ тебѣ извѣстной мѣрой;
 Желаньемъ лишь однимъ и волею своей
 Творишь міры — попомъ въ ничію ихъ обращаешь:
 Грозами смертныхъ поражаешь.

✱

„Который грозенъ, благъ — и спрөгъ, и милосердъ;
 Бросаешь молніи, и избавляешь бѣдъ!
 Внемли! ..“ Тупъ грудь ея при раза сопрясла,
 И тяжкій вздохъ, какъ громъ, во сводахъ загремѣлъ.
 Фориуна сильная вдругъ съ мѣспа поднялася;
 Дохнулъ Борей — испокъ взмушился, закипѣлъ;
 Плеснули изъ воды Найдъы и Трипоны;
 Поднялъ главу Дельфинъ, Саширъ опъ сна вспранулъ;
 Разнесся гуль въ горахъ — молчанья богъ вздохнулъ;
 А лира издала сама собою звоны.
 Семида на вѣсы взглянула съ быспротою:
 Свѣпочъ ко храму успремилъ свой.

„Внемли мольбѣ моей, Линдана продолжала,
 Простерла къ небу взоръ, и на колѣна пала:
 Не вѣчной юности, не долгихъ жизни лѣтъ
 Просишь я припекла у пшоего здѣсь прона,
 Молю пролей любовь пы въ душу Аріона;
 Смягчи суроваго — и сердце дай Ахъ! нѣтъ!
 Пустьъ будешь онъ, какъ былъ — ему ль перемѣняться?
 Пускай и грубость чувствивъ оспанешся при немъ;
 Ни съ гордостью его я не хочу распалъся;
 Хочу его принятъ за образецъ во всемъ;
 Хочу, чшобъ самые пороки Аріона

Служили вмѣсто мнѣ закона.

✱

„Едва Пигмаліонъ умъ спраспью омрачилъ,
 Ты для безумнаго спашую оживилъ;
 Чрезъ Леду рѣкъ: *я жизнь даю не для мщенья.*
 За что же я, о Дій! не жизнь вкушаю, адъ?
 Ахъ! сжался, премѣни судьбъ опредѣленья,
 Иль смерть ко мнѣ пришли, возьми свой даръ назадъ.
 Жизнь пагуба въ бѣдахъ. — Тронись моей поскою,
 И благоспи своей примѣръ на мнѣ яви; —
 Скажи: *я выялъ тебѣ, для счастья живи;*
 Не лъзя шого пустьъ гробъ насъ примирипитъ съ судьбою.
 Когда поминшся духъ, шогда посылъ весь свѣтъ:
 Нещасному и рай жилище бѣдъ.

„Ты въ тайные сердца изгибы проникаешь,
 И смертныхъ слабости въ душахъ у нихъ читаешь;
 А кто ихъ чужды? и шепъ, къмъ вьну и помлюсь,
 Чей взоръ одинъ судьбу мою опредѣляешь,
 Природу для меня мершвилъ и оживляешь;
 Кому, какъ мощному я божеству; молюсь;
 И шепъ, какъ ни великъ а все имѣешь спраспи.
 Прошу тебя, Перунъ! устрой меня по нимъ.
 Тебѣ ль, который все въ своей имѣешь власти,
 Тебѣ ли дивно шо? — Коснисъ жезломъ своимъ —
 И ядъ въ груди моей преспанешъ разливаешь:

Въ блаженство скорби превращаются.

✧

„Когда химерами прельсплся Арюнь,
 Свѣпящей пыли блескъ; призракъ, мешалла звонъ
 Въ припадкахъ разума всему предпочиаешь;
 Съ богатствомъ лишь однимъ находилъ счастье, миръ;
 Когда душа его лишь злапу цѣну знаетъ:
 Сей призракъ и моей погда души кумиръ.
 Едема не хочу въ селеніяхъ небесныхъ;
 Сто царствъ земныхъ хочу во власть я получитьъ,
 Чшобъ скинспры опъ нихъ рукъ его вручишь.
 Прошу — дай силу мнѣ погда волшебствъ чудесныхъ,
 Презрѣнну грязь — прахъ ногъ преобращать въ мешаллъ;
 Кремни въ жемчугъ, въ алмазъ, въ опалъ.

„Коль любить Аріонъ лишь прелести наружны:
 Прошу одной красы: — богатства мнѣ не нужны.
 Зажги во взорахъ огонь, успамъ улыбку дай,
 Въ лицѣ, по коему теперь ліюся слезы,
 Въ лицѣ лилед брось, вмѣшай въ нихъ свѣжи розы,
 И пепельны власы кудрями раскидай;
 Спань, роснь, походку, гласъ: красы всѣ знамениты
 Прелесныхъ шрехъ богинь во мнѣ соедини;
 Да яблоко Парисъ опиявъ у Афродиты,
 Съ пощеньемъ мнѣ вручитъ. — Какъ Фебовъ лучъ во дни
 Мрачитъ блескъ звѣздъ, луны, такъ я красой своею
 Запымила бѣ смертныхъ и Психею.

★

„Когда оцъ холоденъ къ заразамъ красоты;
 Когда за славою парилъ его мечты:
 Хочу ума хочу быть чудомъ совершенства,
 Вселенну изумишь, царямъ давашь законъ,
 Быть шѣмъ, что есть теперь — и взглядомъ рунмишь пронь,
 Быть шѣмъ, что есть теперь — и избѣжаешь равенства;
 Хочу вдругъ все имѣть: Премудрость, слова даръ;
 Хочу вдругъ всѣхъ привлечь къ себѣ на поклоненье,
 Не шайнствомъ волшебствъ — не средствомъ темныхъ чаръ,
 Но силой разума. — Услышь мое моленье!
 Клянусь, не обращу во зло щедротъ твоихъ:
 Губишь не спану даже злыхъ.

„Тогда, какъ дальнія спраны, иноплеменные
 Воздвигнушь мнѣ въ хвалу пирамиды неплѣнны;
 Какъ Музы для меня вѣнки изъ лавръ сплепущь;
 Созидушь съ надписью: *Линданъ мудрой*, храмы;
 Какъ Граціи мой бюспъ цвѣтами обовьюшь;
 Какъ гордый воскуришь мнѣ должны еиміамы;
 Сложь величіе съ себя, ему скажу:
 Смошри, гордецъ! и я свою имѣю славу
 Трофеи, почести присвоила по праву;
 Но знай! не въ нихъ, въ шебѣ все щасье нахожу,
 Чѣмъ сдѣлашь швой пріумфъ, ищу съвысопъ паденья;
 Мѣняю славы дань на униженья.

★

„Но еспьли Аріонъ познавъ химеръ щщепу,
 Не ловишь, какъ дилпя, съ игрушками мечшу,
 И радости свои берепъ не опъ искусшва;
 Когда любовь предъ нимъ не звукъ рѣчей пуспой;
 Когда душа его не умерла для чувшва:
 То сердце вѣрное ему мое опкрой
 Съ симъ словомъ спраспная Линдана замолчала,
 И руки на груди съ смиреніемъ сложь,
 Какъ бы преспушница — блѣднѣя и дрожа,
 Рѣшенія небесъ безмолвно ожидала:
 Но швердъ небесная вдругъ шучей обложилась,
 Ударилъ громъ, — и Циншія сокрылась.

КЪ БОГИНЪ С НОВИДЪНІЙ.

(Переводъ).

Всегда на мракахъ возлежаща,
 Изъ пучь имбюющая пронь,
 Быстрѣй крылашыхъ ппиць паряща,
 Премѣнна, какъ хамелеонъ!
 О, дивная Царица ночи!
 Благихъ посланница небесъ,
 Мать радости — не рѣдко слезъ!...
 Родитель твои смыкаешь очи,
 Мирить несчастнаго съ судьбой;
 А ты — волшебною рукой
 Видѣнья чудны разсылаешь,
 Друзей умершихъ воскрешаешь,
 Изъ партера эдемъ шворишь:
 Снимаешь съ узниковъ оковы,
 Для скудныхъ строишь дома новы,
 Раба порфиною даришь,
 Румянишь шарикамъ ланишы,
 Погасшій огонь даешь очамъ,
 Ихъ груди грѣешь ледовишы,
 Бросаешь кудри по плечамъ;
 Для пышныхъ замки создаешь,
 Фарфоры шставишь на столахъ;

На гордыхъ ордена вѣлаеши,
 Ведешь ихъ къ почестямъ, въ чинахъ.
 Подъ часъ вражды рѣшишь и споры,
 Мечны намъ каженъ за мечны.
 То видъ приемя юной Флоры,
 Среди зимы распиши цвѣты;
 То умъ присвоишь Аспронома;
 То свойство изъясняешь грома,
 Рисуешь планы небесамъ:
 То вдругъ помчишь съ собою — взовьешься,
 Превыше сферы вознесешься:
 Твоимъ нѣтъ щопу чудесамъ!
 Какъ Лента — бѣдспва изглаждаешь;
 Какъ машинистъ — рукой своей
 Новѣйши виды распавляешь;
 Береши всѣ лица какъ Прошей.
 Къ тебѣ, любимая судьбами!
 Къ тебѣ зываю я мольбами:
 Сойди, посланница боговъ!
 Обвившись мглою, иль шуманомъ,
 Спустись къ Леону съ облаковъ;
 Со свойспвеннымъ тебѣ обманомъ
 Взлети сквозь спавни — сквозь замки,
 И сонъ его смупи видѣньемъ
 Но чпобъ не успрашитъ явленьемъ,
 Разбросъ букеты и вѣнки
 Вокругъ *безлетнаго* постели;
 Зефировъ Майскихъ собери,
 Вдали вездѣ распавъ свирѣли;
 Вблизи ручью журчатъ вели.
 Душѣ дай сладко упоенье;
 Помомъ, изгладя обольщенье,

*

Возьми мой образъ на себя; ..
 Представь *слухомъ* меня:
 Какъ я — не зналъ сна опрады,
 При свѣтѣ дремлющей лампы,
 Съ склоненной объ руку главой,
 Ужасны ночи провождаю,
 Природы спротивность нарушаю
 Спенаньемъ, вздохами, поскою;
 Какъ я — съ померкшими глазами,
 Одна, среди холодныхъ спѣнь,
 Покрыта блѣдностью, слезами,
 Не чая гореспямъ премѣнь,
 Завидую въ гробахъ лежащимъ,
 Спокойно — крѣпко спящимъ....
 Какъ я — между ночныхъ пѣней,
 Не сдѣлавъ зла — но какъ злодѣй,
 Пустые своды обшекаю,
 Упряму Парку умоляю,
 И — ахъ! живу, къ поскѣ своей;
 Живу.... чшобъ полько впорить спонь;
 Какъ я — поспой! когда Леонъ,
 Жопъ разъ одинъ вздохнетъ невольно —
 Изчезни, дивная! довольно!

НА ВЫСТУПЛЕНІЕ РОССІЙСКО- ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВОЙСКЪ.

Вспрянулъ опъ крашкія дремошъ,
 Исчаде зависти — раздоръ,
 И адски пробудя работы
 Багровый усремилъ къ нимъ взоръ.
 Едва взглянулъ — ужъ ядъ нишаепъ,
 Едва спушилъ — ужъ зло шворипъ;
 Какъ хищный звѣрь, добычь алкаепъ,
 Какъ хищный звѣрь, всегда не сыпъ.
 Его Некшаръ: — ручки кровавы,
 Трапеза: — горести и спонъ;
 Изъ бѣдства черпая забавы,
 На прупахъ основаль свой пронъ.
 Топъ мигъ погибшимъ въ жизни мыслипъ,
 Кошорый безъ злодѣйствъ прошекъ:
 Живу ли я? пиранъ сей мыслипъ,
 Когда слезъ новыхъ не извлекъ.
 Быспрѣ пламя пропекаепъ,
 Ему подобно все палипъ;
 Столицы въ пепель превращаепъ,
 Искусствъ, художествъ не щадипъ.
 Упали зданіевъ Громады;
 Не видно въ храмахъ олшарей;

Погасли теплыя лампады,
 Возженныя Царю Царей.
 Но пиръ не сыщъ и въ думы мрачны
 Свирѣду душу погрузилъ,
 Свои кровавы взоры, алчны
 На тихій сѣверъ обратилъ.

Склонясь подъ прочный щипъ Беллоны,
 Не слыша буръ внутри и внѣ,
 Приемля крошкіе законы,
 Вели жизнь Россы въ пишинѣ.
 Науки чуждыя сзывали;
 Въ искусстввахъ, въ знаніяхъ цвѣли;
 Согласныя стихи слагали;
 О благѣ внушеннемъ блюли.
 Подъ часъ въ забавы погружались,
 Изъ чаши пили золотой;
 Но звуки трубныя раздались,
 Россъ вяль — воспаль — и всякъ герой.
 Всякъ жизнь свою ничѣмъ считаешъ,
 Идешъ опечесству служилъ;
 Одинъ къ другому восклицаешъ:
 „Не живъ — иль жизнь цѣной купишь.
 „Нащъ лавръ: неколебимоспъ прона,
 „Безсмертье: за Россію паспъ;
 „Щипомъ быспъ испинны, закона,
 „Тиранску обезсилиспъ власпъ.“
 Ни дружбы, ни родства союзы,
 Ни даже пламенна любовь
 На храбрыхъ не скрѣпляютъ узы;
 Семейству вздохъ — опчизнѣ кровь.
 Здѣсь нѣгой сладкой воскормленной
 Роскошныя Форшуды другъ,

Забывъ о благахъ всей вселенной,
 Чпо онъ ошець, чпо сынъ супругъ,
 Къ нимъ сердце зашворъ: „я воинъ,
 Подругъ спраспной говорипъ,
 Топъ жизни, щаспья недоспоинъ,
 Кпо о себъ единомъ мнишъ.
 Хочу подпорой быпъ державы,
 Хочу врагамъ ужасень быпъ;
 Хочу собравъ профеи славы,
 Къ ногамъ МОНАРХА положипъ.
 Когда жъ — сраженъ врага рукою,
 Похвальный получу конецъ,
 Мой сынъ не будепъ сиропою,
 Умру — МОНАРХЪ ему ошець.“
 Спо жизней лучше бы желала
 Супруга за него опдапъ,
 Спо разъ сама бь охотно пала,
 Чшобъ каждый разъ его спасапъ:
 Но благу общему внимая,
 Тоску свою умѣепъ скрыпъ,
 И чувства долгомъ побѣжда,
 Ни даже слезъ не смѣепъ липъ.

Здѣсь мужъ согбенный цѣлымъ вѣкомъ
 На посохъ облегшись, дрожишъ,
 Почти преспавъ быпъ челоѣкомъ,
 Къ Россіи ревностно горипъ.
 Ведомъ сыновъ своихъ сынами,
 Къ нимъ проспираепъ тихій гласъ:
 „Друзья! мой гробъ опверсптъ судьбами,
 „Но я возобновлюся въ васъ
 „Свершите спарцезы надежды,
 „Клянитесь ЦАРЯ любипъ;

„Спокойно зашворю я вѣжды,
 „Клянись — пасъ, иль побѣдись.“
 Умолкъ Взоръ пускльй обращаетъ
 Къ подпорѣ вепхихъ дней своихъ:
 „Клянемся, каждый восклицаетъ,
 „Не мыслишь о себѣ самихъ;
 „Служишь опечесиву не лживо,
 „Любовь къ ЦАРЮ хранишь въ сердцахъ. — “
 Какъ упрю Майское красиво
 При первыхъ солнечныхъ лучахъ;
 Какъ юныя древесны лозы
 Прияпны свѣжестью липовъ,
 Иль какъ полуразцвѣтши розы
 Блиспающъ посреди кустовъ:
 Такъ юноши красой блиспали
 Въ Палладинъ облекшись нарядъ,
 Сверкающей воинской спали
 Свѣщде былъ ихъ ясный взглядъ.
 Зарю лѣтъ шлемомъ прикрывая,
 Видъ мужескѣва лицу дающъ,
 Въ послѣдни спарца лобызалъ,
 Безпрепешно на брань пекушъ.
 О смерть! взгляни, сколь сановишы
 Взгляни на младость ихъ, красу,
 На ихъ румяныя ланишы,
 Взгляни — и уклони косу!
 Тамъ руки къ ближнимъ проспираетъ
 Покрыпый знаками Герой,
 Спущилъ — и сердце не дерзаетъ
 Для милыхъ биться подъ звѣздой. —
 А память но всѣ ль дѣла Геройскы
 Сыновъ Россіи изчислять?

Гдѣ крепость собираешъ войски,
 Тамъ нѣтъ желанья измѣняшъ.
 Какъ капли быспрыхъ водъ въ паденьи
 Одною правяшся волной:
 Такъ тысячи въ соединеньи
 Одною чувствуюшъ душой.
 Какъ быспрыый водонадъ спрешипся,
 Чпо вспрѣшипъ, истребляешъ вмигъ,
 Найдя оплошъ, шумишъ — крупишся,
 Оплоша нѣшъ — и онъ ушихъ
 Такъ Россъ, въ душѣ неуспрашимый,
 Зришъ адской гидры алчный зевъ:
 Лепишъ къ врагу — но палъ богъ мнимый,
 И въ агнца прешворилс левъ:

МОНАРХЪ! почпо скудельны силы
 Ешъ общая жентъ нѣжныхъ часшъ?
 Почпо спуща на край могилы
 Я не могу любезныхъ спасшъ?
 Сыновъ Россіи прославляю,
 Ихъ жребій благомъ, щаспьемъ чпу,
 Въ шебѣ доброты обожаю,
 Душевныхъ качеспвъ красоту,
 И не могу цѣною жизни
 Малѣйшихъ пользъ пвоижъ купишъ,
 Чшобъ жершвуя собой отчизнѣ,
 Иль пасшъ — или щаспливой быццъ!

ПРИ ВЗГЛЯДЪ НА ГРОБНИЦЫ
ВЕЛИКИХЪ:

ИМПЕРАТОРА ПЕТРА I
И
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II
въ Петропавловской крѣпости.

О пы, могущесливомъ и славою надменный,
Гордящійся умомъ, иль шиплами почтенный!
Колѣна преклони, смирись въ душѣ своей
И пламенной слезой омой сію порфиру.
Здѣсь прахъ покоишься великихъ двухъ Царей,
Которые законъ и миръ давали міру.
Премудрость среди Ихъ на свой склоняся щипъ,
Блѣдна, задумчива, спѣсенная поскою,
Какъ меланхолія, съ поникшею главою,
Вперя на гробы взоръ въ уныніи сидипъ.
Увы! что жъ жизнь, когда великіе невѣчны?
Что смертныхъ радости? мгновенья скоротечны.

НА СМЕРТЬ ДРУГА МОЕГО.

Миръ праху швоему! о другъ души моей!
Пусть сонъ швой будетъ шихъ, спокоенъ, безмяшеженъ!
Ахъ! что перлемъ мы въ прелесшной жизни сей?
Мечту!...ко шасшью пупъ шакъ скользокъ, безнадеженъ....
Бѣжимъ за благами — и мысля: *достигаемъ*,
Объемлемъ дымъ пусшой; а благъ не обрѣцаемъ.

Е Й Ж Е.

Такъ! нѣтъ тебя! и та, которая блистала
 Способностями ума, душой и красотою,
 Какъ роза ранняя подсѣчена косою
 Упала въ прахъ; — и та шеперь ничто ужъ спала.
 Несишь, жалобы, къ престолу бога „стой!“
 Вдругъ кропкій, тихій гласъ повѣя, какъ въ зефирѣ,
 Мнѣ въ слухъ приятно рекъ: „почто жалѣшь о той,
 Которой рокъ судилъ обрѣсть пѣмницу въ мѣрѣ.
 Умолкни — и взгляни, какъ тихо я лежу!
 Тоска не давишь грудь — и сердце не спрадаетъ:
 Оковы спали съ рукъ а другъ о мнѣ рыдаешь!
 Тужишь ли, что себя мечшами не вяжу?

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

Прелестное дитя порхая споны слышитъ ;
Склонилъ изъ мака скиптръ — и вдругъ все тихо стало:
Напастей, горестей, какъ будто не бывало!
Скорбѣшь ли, что для мукъ спрадалецъ гдѣ не дышитъ?

С У М Е Р К И.

Блеснулъ на западъ румяный Царь природы,
 Скапился въ океанъ — и загорѣлись воды.
 Почій опъ подвиговъ! усни, сокрывшись въ сонпъ!
 Усни! ... и не мѣшай мечпамъ ко мнѣ спустпшсья!
 Пуспъ юная Аврора веселипсья,
 Рисуя перспомъ горизонтпъ,
 И къ упру свѣжїя гоповипъ розы;
 Тогда какъ добрый чародѣй,
 Разсыпавъ макъ, опрепъ нещаспныхъ слезы,
 Тогда опдамся я мечпъ своей.
 Вдругъ паспопщее смѣняя ложнымъ
 Изъ дыма храмъ сооружу,
 Со щаспїемъ союзъ свяжу,
 Блаженспвомъ упїясъ возможнымъ.
 Взгляну — и снѣгъ согрѣпсья въ поляхъ,
 Спряхнепсья иней на кустахъ;
 Дохну — и льдины распадупсья,
 Какъ воскъ, кремни погнупсья,
 Содвинепсья смягчасъ мешаллъ.
 Иль вырвапшсья изъ спѣнъ пуспныхъ,
 Въ бесѣды преселюсь великпхъ, мудрыхъ, сильныхъ:
 Усни, Царь дня! шопъ пушь, копорый описалъ,
 Великъ и многопрудень.

✱

Откуда яркій лучъ съ высопъ ко мнѣ сверкнулъ,
 Какъ молнія, по облакамъ скользнулъ?
 Померкъ земный огонь о! сколь онъ слабъ и скудень!
 Среди Сумраковъ блесшипъ,
 При свѣпъ угаеапъ
 Чьихъ лиръ согласный звукъ во слухъ мой ударяепъ?
 Безсмерпныхъ ли Харипъ
 Отверзлисъ мнѣ селенья?
 Сколь дивныя явленья!
 Гдѣ ночь въ окрестностяхъ, а здѣсь воспокъ,
 Злапымы лучемъ весення упра
 Мнѣ кажепъ чиспыхъ водъ попокъ;
 Вдали — изъ перламупра,
 Сквозь пальмовыхъ деревъ я вижу храмъ,
 А шамъ —
 Среди мирповыхъ кустовъ, склоненныхъ надъ водою,
 Почпенный мужъ съ открыпой головою
 На мягкихъ лилияхъ сидипъ,
 Въ очахъ его небесный огонь горипъ,
 Чело, какъ упръ ясно,
 Съ успами и съ душей согласпо,
 На коемъ возложенъ изъ лавръ вѣнець;
 У ногъ споипъ лапая лира;
 Коснулся — и воспѣлъ причину міра;
 Воспѣлъ — и заблispалъ въ швореніяхъ творецъ.
 Какъ свѣпъ во всѣ концы вселенной проникаепъ,
 Въ пещерахъ мраки разгоняепъ,
 Такъ гласъ его во всѣхъ промчавшихся мѣспгахъ,
 Мгновенно пролепѣлъ изъ царспва въ царспво:
 Согнулось злобное коварспво,
 Разсѣялось невѣріе, какъ прахъ,
 Открылись въ будущемъ для скорбнаго надежды,

Разчислился шумагъ въ понятіи невѣжды,
 И каждый возгласилъ: великъ въ твореньяхъ богъ!
 Умолкъ пѣвецъ души его воспоргъ
 Прервалъ согласно пѣснопѣнье;
 Но въ сердцѣ у меня оспалось впечатлѣнье,
 Кошорога ничто изгладить не могло.
 Какъ образъ проходя сквозь чистое стекло
 Единой на пуши черпы не пошеряеть:
 Споль вѣрно испинна себя явлелеть,
 Изнедетъ успами мудреца:
 Всегда равно ясна, всегда умильна,
 Всегда доводами обильна,
 Всегда равно влечеть сердца.
 Пѣвецъ оперъ слезу — коснулся вновь перспами,
 Коснулся, загремѣлъ,
 И сладкозвучными словами
 Земныхъ боговъ воспѣлъ;
 Воспѣлъ Великую изъ смерсныхъ на пресполѣ,
 Ея побѣды въ бранномъ полѣ,
 Союзъ съ премудростью — любовь къ благимъ дѣламъ,
 Награду ревностнымъ прудамъ,
 И лиру окропя слезою благодарной,
 Во мзду щедротѣ изліянной,
 Онъ вновь умолкъ воспоргомъ упоень.
 Но гласъ его въ цѣпи времятъ
 Безсмершную дѣлами
 Блюдетъ безсмершными стихами.
 Спустились Граціи, перемѣнили спрой,
 Смягчился громъ подъ гибкою рукой,
 И сельскія слышались нагѣвы,
 На звуки ихъ спеклися дѣвы.
 Какъ легкій вѣперокъ

Порхая чрезъ поля съ цвѣточка на цвѣпокъ,
Кружился, рѣзвился, до облакъ извиваясь:
Такъ дѣвы юныя сомкнувшись въ хороводъ,
Порхали по холмамъ у пока чистыхъ водъ,
Сподами легкими едва землѣ касаясь,

То въ горы скачучи, по съ горь.
Пѣвецъ веселый бросилъ взоръ.

(И мудрымъ нравился невинная забава).

Спройна, прияшна, величава,
Въ одеждѣ понкой, изо льна,
Безъ перль, безъ пурпура, безъ злапа,
Красою собственной богата

Явилася жена;

Въ очахъ пѣвца подъ падью спала,
Умильный взглядъ къ нему кидала,

Віа изъ мирпѣ вѣнокъ.

Звукъ лиры подъ рукой вдругъ началъ измѣняться,
То медлишь, по сливаешься;

Пѣвецъ спалъ пише пѣшь — и наконецъ умолкъ.

Пришелица просперла руки,

И миршовый вѣнокъ за сельскихъ пѣсней звуки

Едва свила,

Ему съ улыбкой подала;

Всѣ дѣвы въ попь же мигъ во длани заплескали.

Гдѣ я?

Отъ изумленія къ воспоргу переходя,

Спросила я у пѣхъ, кошоры шупъ спояли?

„На Званкѣ“ со всѣхъ спранъ ошвѣпы раздались,

Поспой, мечша! продлись! . . .

Хошь часъ одинъ! но ахъ! сокрылося видѣнье,

Оспая въ скуку мнѣ одно уединенье.

В И Д Ъ Н І Е Д А М О Н А.

Увидя нѣкогда Дамонъ

Славнѣйшаго поэта,

Сказалъ въ душѣ своей: уже ли это онъ?

Пожалуй вѣрь всегда пуспымъ рассказамъ свѣща!

Кричащъ: поэтъ, поэтъ — а я и оробѣлъ;

Когда жъ поближе посмотрѣлъ,

Тогда нашель, что все пустое,

И дальняго ума передо мной въ немъ нѣтъ.

Вся даже рѣчь его сплешенье споль простое,

Что маленькой дилля до слова разберешъ;

А я какъ говорю — такъ врядъ поймутъ большіе;

Съ такою тонкошью, искуснвомъ, оспропой,

Что умные со мной

Подъ часъ споятъ какъ бы глухіе!

Такъ что же мѣшкаемъ? начнемъ стихи писашъ.

Все паяншво ихъ въ помъ, чтобъ риемы подбиратъ,

Съ возможнымъ сходспвомъ,

И къ слову — на примѣръ — гдѣ вспрѣшилось бы: да

Сказашъ: бѣда.

Ну—примемся жъ— и симъ споль легкимъ превозходспвомъ,

На зло зависпниковъ лихихъ,

Въ пвореніяхъ себя прославимъ,

Пшомспву памятникъ оспавимъ:

Жипъ мерпвые не переспанемъ въ нихъ.

Всѣ Академіи узнавъ насъ, изумашъ!

Но чѣмъ съ счастливецемъ симъ оравняешься,
 Чѣмъ бѣ превзойти его
 Ни перьевъ — ни чернилъ — ни рукъ не пощажу,
 И слѣдуя ума пареню своего,
 На каждую мысль рюмъ спо, иль болѣ, привяжу.
 Вся прудность въ помѣ, чѣмъ бы начашъ.
 О слава лестная! великихъ душъ опрада!
 Трудовъ, безсонницы награда!
 Сойди мой подвигъ увѣнчашъ!
 Тупъ съ словомъ симъ Дамонъ изъ комнаты уходитъ,
 Съ надеждой вѣрною, чѣмъ онъ уже поэтъ,
 Лепитъ въ пустой свой кабинетъ,
 Гдѣ сучки цѣлые сонъ глазъ его не сводитъ:
 Какъ будто бы къ сполу прикованъ былъ,
 Сидитъ — и пишешъ,
 Ни ѣшъ, ни пьешъ, о всемъ забылъ—
 Почти не дышешъ,
 Бояся гнѣмъ идеи разшеряшъ,
 По счастью, главную предосторожность взялъ
 Онъ какъ-то вымышляешъ:
 Всѣ двери запираешъ.
 Другая ночь — Дамонъ не спитъ —
 Сидитъ
 Усердно пишешъ
 Разсудка голосу не слышешъ;
 А сдѣлалъ шолько двѣ шпроки
 И то нечаянно — въ счастливаю минушу.
 „Почто, — кляня судьбину люшу,
 „Почто не при имѣю я руки!“
 Усталый мой Герой со гнѣвомъ возклицаешъ,
 Спирая крупный цошъ съ угрюмага лица.
 „Увѣ! достигнуть до кенца

„Пошребень важный прудь.“ Тупь бѣдный обвиняешъ....

Кого жъ? конечно не себя:

Бумагу, перья и чернилы,

И славу возлюбя,

Онъ снова напрягаетъ силы.

Но вдругъ приятный нѣкій свѣплъ

Незапно комнашу Дамона озаряешъ,

Свѣча угасла — и поэтъ

Чудесь въ воспоргѣ ожидаешъ;

И въ эптомъ не ошибся онъ:

Крылапый юноша, прелестной

Съ улыбкой Ангельской небесной,

Имѣя подъ собой изъ облакъ пронъ

Прозрачныхъ, свѣплыхъ, серебриспыхъ

Къ нему спустился наконецъ,

А надъ челомъ его въ власахъ спруиспыхъ

Изъ яркихъ звѣздъ блиспалъ вѣнецъ.

Онъ кропко, мило улыбнулся,

Къ Дамону началъ говоритъ:

„Узнавъ, что вздумалъ ты поэтомъ бытъ,

„Олимпъ весь содрогнулся.

„Тебѣ ль Дамонъ, тебѣ ль стихи пишашъ?

„На что чашашелей ко сну средъ дня склоняшъ?

„Ты о безсмертіи мечтаешъ

„Увы! но въ чемъ же успѣваешъ?

„Трудящся для того, чтобъ бытъ глупцомъ,

„Вралемъ — а не шворцомъ.“

Тупь слезы полились у авпора неволью

А Геній сжался рекъ: „наказанъ ты довольно

„Двухъ — сушочнымъ прудомъ;

„Къ тому жъ чашаю въ сердцѣ я швоемъ,

„Что славы ты отрехся доброволью,

- „И ближняго гошовъ спасши ошъ скуки,
 „И шакъ я замолчу . . .“ Кто пы?
 Спросилъ Дамонъ у сей мечшы,
 Сложя крестообразно руки.
 „Пиппа Геній я пого,
 „Котораго въ бреду припадка пы сего
 „И въ слабоспи ума смѣшалъ съ другими;
 „Кому пы вздумалъ подражать,
 „Кого дерзнулъ съ собою поравнять.“
 Мечпа опшвѣспивуешъ — и съ сими
 Словами вдругъ,
 При звукѣ арфъ и лиръ невидимыхъ, согласныхъ,
 При пѣсняхъ важныхъ, спройныхъ,
 Вяпныхъ,
 Сокрылась ошъ него. — „Мой другъ!“
 Попомъ раздался гласъ — „не въ помъ поэта слава,
 „Чшобы спихи свои писненью предавашъ,
 „И одъ по десяти всечасно созидашъ.
 „Ахъ! не ищи, Дамонъ, споль гореспнаго права
 „Собой забавою другимъ служишь.
 „Поэштъ — и шруженикъ — не могутъ вмѣспѣ бышь.
 „Онъ риѣмъ, какъ пы искалъ не спанешъ,
 „И на перо лишь взглянешъ,
 „То соннями онъ садяшся на него:
 „Не онъ ихъ рабъ — онъ рабы его.
 „Для слова мысли онъ во вѣкъ не перемѣнишь,
 „Одну другою не замѣнишь,
 „И слова не пошлетъ шуда,
 „Куда
 „Послашь не мѣшишь, иль не должно.
 „Педаншовъ не спрашась, спрашился молвишь ложно.“
 Туштъ Геній въ воздухѣ алашымъ блеснулъ вѣнцемъ,

Дамонъ предъ нимъ палъ ницъ лицомъ,
И въ шожь счасливое мгновенье
Преспавъ о славъ помышляпъ,
Благому Генію, разсудку въ угожденье,
Клялся спижовъ во вѣки не писатъ.

КЪ ПОРТРЕТАМЪ ДВУХЪ БРАТЬЕВЪ АЙЮ. *)

Здѣсь брашьевь двухъ Айю сполгть изображенья;
 Природа брашскій въ нихъ веда дарамъ раздѣль,
 Дала имъ сходныя способности въ удѣль,
 И сходныя нашла въ семъ мѣрѣ назначенья;
 Одинъ для зоркихъ глазъ съ предметовъ спускъ снималь,
 Другой слѣпцамъ глаза въ ихъ перспы заключаль.

*) Г. Айю, славный Естествоиспытатель, живущій въ Парижѣ, издалъ превосходный Физическій курсъ. Братъ его Профессоръ Айю находится въ Петербургѣ при заведенномъ въ пользу Слепыхъ Институтѣ. Онъ обучаетъ сихъ несчастныхъ не только работамъ, музыкѣ, но читаетъ, пишетъ, и разбираетъ Географическія карты.

БРАТУ МОЕМУ.

Скажи мнѣ, милый Джонъ, кто далъ тебѣ искусство
 Всегда равно счастливымъ быть,
 Одно и позже чувство
 И въ ясный день, и въ облачный хранишь?
 Какъ сдѣлалъ ты союзъ и дружбу съ Провидѣньемъ?
 Слѣпымъ ли случаемъ, или хитрослѣсно — умѣняемъ?
 Природа ничего намъ даромъ не даетъ,
 И пошлину на все пройную налагаетъ,
 Берешь, какъ росповѣщикъ, за все большой процентъ,
 Кого душою надѣляетъ,
 Велишь шѣмъ слезы лишь — спрадать,
 Любишь чувствительность — и вмѣстѣ проклинаяшь.
 Съ побоею жъ у нее совѣмъ не пѣ разочовы,
 Ты душу получилъ исполненну добротою;
 А счастливъ — и блажишь судьбу свою.
 Всегда такъ весель, живъ, какъ ппашечка на волѣ;
 Но что я говорю?
 Одну ли душу? ... болѣ.
 Едва лишь полько ты помыслишь что сказать,
 Ихъ съ каждымъ словомъ двѣ мгновенно вылетаютъ;
 Одна сплываешь въ глазахъ свой вѣчный пронтъ заняшь,
 Другая на успахъ — и обѣ вдругъ сѣютъ —
 А прещѣ еще передаешь рукамъ,
 Когда касаяся струнамъ,
 Перстами гибкими акорды пробѣгаешь,

Согласны поны извлекаешь,
 Какъ мощный чародѣй
Дашь имъ жизнь — языкъ дивлюсь судьбѣ швоей!
Чувствительнымъ съ одной бѣда . . . съ одной накладно —
 А пы съ шремя живешь
Безъ споръ — раздоровъ — ладно,
 И слезъ не льешь.

НА СЛУЧАЙ СМЕРТИ НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ХЛѢБНИКОВА, *)

Средь сумраковъ ноцныхъ — чей слышенъ спонь
унылой?

Чьи вопли, жалобы, рыданья разнеслись?
Увы! по сирые, по бѣдные спеклись,
Горячи слезы лишь надъ свѣжею могилой
Того, кто другомъ былъ гонимаго судьбой,
Законы рока кто смягчалъ своей рукой,
Кто скорби страждущихъ цѣлилъ, иль облегчалъ,
Убогимъ былъ опецъ — гонимымъ покровишель.
Судьбы рекли: вотъ гробъ и скорбныхъ упѣшишель,
Какъ Майскій гіацинтъ, разцвѣлъ — и въ мигъ опалъ.

*) Я никогда не знала сего молодого человѣка; но много разъ слыхала, какъ прославляли его великодушіе, щедрость, состраданіе и почувствовала желаніе принести праху его слабую дань должной признательности.

СЪ ПРИМОРСКАГО БЕРЕГА.

(Переводъ).

Свѣшное море
 Съ небомъ слилось,
 Съ пихосшю волны
 Плещуть на брегъ,
 Крошкія зыби
 Чуть чуть дрожатъ.

✱

Солнце погасло;
 Мѣсяца нѣтъ;
 Заревомъ алымъ
 Западъ блеститъ,
 Птицы на гнѣздахъ,
 Въ кущахъ спада...

✱

Все вдругъ умолкло,
 Всѣ по мѣстамъ.
 Въ комнахъ тихо
 Шороху нѣтъ;
 Дѣти прижались
 Скромно въ углахъ.

✱

Лина коснулась
 Арфы спрунамъ:
 Арфа злаяя
 Гласъ издала;
 Звуки согласны
 Съ Линой поюшь.

*

Розовымъ пламенъ
 Свѣпишь каминъ;
 Скачешь по углямъ
 Ясный огонь;
 Дымъ шемноброй
 Вьется снолбомъ.

*

Пламень люпѣйшій
 Душу палишь;
 Сердце поминися,
 Высохло все:
 Ядъ прошекаешь
 Въ жилахъ моихъ.

*

Слезы изсякли
 Въ мушныхъ глазахъ;
 Вздохи преспали
 Грудь воздымашь;
 Синія губы
 Смерзлись — молчашь.

*

Море, взволнуйся!
Гробомъ мнѣ будь!
Арфа злая!
Громомъ ударь!
Пламя, разлейся,
Вѣдну сожги.

Ю Н О М У П О Л Л У К С У.

(Переводъ).

Среди угрюмой пишины
 Добычей спавъ поски душевной,
 Какъ яркій блескъ авроры дневной,
 Явясъ пьмишь блѣдный лучъ луны:
 Такъ ядомъ гореспи темню свои надежды.
 Для радостей сомкнулись вѣжды.

Поллуксъ! мой юный другъ! гдѣ ты?
 Тобой рѣдѣеть мракъ могилы,
 Слабѣють призраки унылы;
 Какъ въ полѣ скошенны цвѣты
 Увянууть — но живууть небесною росю:
 Такъ я, Поллуксъ, живу побюю.

Колико миль пвой кропкій взоръ,
 Порука внушренней доброты!
 Какъ узника среди работы
 Прельщааетъ нѣжный пшичекъ хоръ;
 Какъ юной сосною Зефиръ шума, льспишь слуху:
 Такъ голось пвой приапенъ уху.

Поллуксъ! почіпо тебя здѣсь нѣтъ!
 О! сколь красы соединенной
 Въ улыбка зрю швоей я нѣжной!
 Какъ утра лѣшняго разсвѣтъ
 Не ослѣпляетъ глазъ — но въ душу льетъ опраду:
 Такъ ты, Поллуксъ, прияшень взгляду.

За чемъ припекъ, послушный другъ! ...
 Здѣсь адъ въ моемъ уединень;
 Въ немъ горесъ вѣчная — помленье —
 Въ немъ фуріи шерзають духъ.
 Нѣтъ! возвращись, Поллуксъ! и пользуйся весною;
 Тебѣ ль мрачить себя поскою! —

Спѣши къ возлюбленной своей,
 Спѣши — Камилла за клавиромъ
 Поетъ любви власъ надъ міромъ;
 Любовь шобой знакома ей.
 Поетъ — и томный вздохъ изъ груди вылетаетъ;
 Слабѣетъ голосъ, исчезаетъ.

Ты вялъ и блѣдный цвѣтъ ланитъ
 Румянцемъ легкимъ опшѣвился;
 Въ нихъ огонь души швоей разлился.
 Какъ Сиріусъ во тьмѣ блестятъ,
 Такъ крошкіе швой вдругъ взоры засверкали:
 Слова раждались, умирали.

Поллуксъ! я не зову тебя
 Ужасенъ видъ моей пемницы!
 Сюда — ни даже лучъ денницы
 Не проникаль согрѣшь меня,
 Опъ хлада спынешь кровь... не вѣрь! мой умъ блуждаешъ:
 Увы! здѣсь пламя пропекаетъ.

Гдѣ я? чья видится мнѣ пѣнь?
 Прелестна — съ русыми власами,
 Одѣта легкими парами,
 Свѣтла — какъ Майскій день,
 Съ улыбкой нѣжною мнѣ руку проспираешъ;
 Какъ Ангель, съ кропосью вѣщаешъ;

„Оспавь мечпы своей предмети,
 „Теки со мной въ мои черпоги;
 „Печалямъ нѣшь шуда дороги,
 „Ни фурій шамъ — ни пламя нѣшь.
 „То божеество, кому изъ слезъ приносишь дани,
 „Въ вѣкъ не проспреть къ несчастной длани.

„Теки со мной ... нашъ сладокъ сонъ!
 „Доколь шебѣ влачишь оковы?
 „Иль жерпвы вымышля новы,
 „Иль гореспный пуская спонъ
 „Ты мыслишь премѣнишь судьбъ опредѣлене?
 „Увы! удѣль швой: заблуждене.“

Рекла и скрылась въ небесахъ,
О юноша! по образъ друга,
То нѣжныхъ лѣпъ моихъ подруга
Ко мнѣ спускалась въ облакахъ,
То та, которая бѣды со мной дѣлила,
И ахъ! покой одна вкусила.

РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ АПОЛЛОНОМЪ И МУЗОЮ БѢДНАГО СТИХОТВОРЦА. *)

А П О Л Л О Н Ъ.

Что ты, Муза, безсловесна?
Я за лѣность накажу —
И въ шаланпѣ опкажу:
Ты лишь пѣснями прелестна.
Дай мнѣ лиру — или пой!

МУЗА БѢДНАГО СТИХОТВОРЦА.

Слабъ опъ глада голосъ мой!
Нѣтъ Амброзиі небесной;
Нѣтъ хламиды на плечахъ;
Хладъ объялъ меня шѣлесной!
Мерзнутъ пѣсни на ухахъ!
Перспы гибкоспъ всю перяюшъ.
Тщепно въ замки прихожу,
Крова въ нихъ не нахожу:
Съ бѣлыхъ крыльцъ меня гоняюшъ.

*) Его Превозходительство Гавріиль Романовичъ Державинъ оказалъ въ моемъ присутствіи немаловажное пособіе одному бѣдному стихотворцу, что самое было поводомъ къ начерпанію слѣдующаго разговора.

Злапо нужно на банкеть;
 Злапо нужно и въ боспонѣ:
 Музы у вельможъ не въ шонѣ,
 Имъ до нихъ и дѣла нѣтъ.
 Гдѣ мнѣ пища? Гдѣ одежда?

А П О Л Л О Н Ъ.

Замолчи! — О спыдъ! позоръ!
 Муза пы — и пы невѣжда!
 Нужно ль изъ двора во дворъ
 За Амброзіей паскапьясь?
 Иль во прахѣ пресмыкапьясь
 Муза можепъ безъ спыда,
 Пыль смепая съ барскихъ крылецъ?
 Вамъ покровъ здѣсь мой любимецъ

МУЗА БѢДНАГО СТИХОТВОРЦА.

Кпо? Державинъ?

А П О Л Л О Н Ъ.

Да, да, да!
 Онъ Амброзіей пишаепъ,
 Онъ хламидой согрѣваепъ:
 Такъ издавна онъ живаль.

*

Аполлонъ и не солгаль.

РАЗГОВОРЪ У ОБЩЕСТВА СО ВРЕМЕНЕМЪ.

О Б Щ Е С Т В О .

Какъ время ты могло промчаться споль мгновенно?
Вчера ты пише шло, и пише несравненно.

В Р Е М Я .

Крыловъ мнѣ крылья далъ,
Тогда какъ басенки тебѣ свои читалъ. *)

*) Иванъ Андреевичъ Крыловъ читая въ нѣкоторомъ домѣ свои басни шакъ сократилъ время, что я по разположенію своему никуда не успѣла съѣздить.

ПРОХОЖІЙ И ГОСПОДСКІЙ СЛУГА *)

Б а с н я.

Шель нѣкпо близъ палатъ, черезъ господскій дворъ,
И видишь, чпо слуга мепепеть въ помъ домъ сѣни.
Подмель — и съ лѣспницы попомъ счищатъ спалъ соръ;
Но шолько принялся не съ верхней онъ спупени,

А съ пой,

Которая всѣхъ ниже.

Чиспа спупень — слуга съ мешлой
На шу, которая къ сметенной ближе:

И па чиспа.

Слуга мой началъ улыбаешься;

„Безъ двухъ, безъ двухъ“ — кричишь съ гроспа —

И ну за препью принимаешься.

Подмель и шу — еще убавилось шруда:

Глядь въ низъ — нежданая бѣда!

Ужъ чиспыхъ двухъ опяць не видно изъ подъ сора.

„Экъ! сколько всякаго накидано здѣсь вздора!

Слуга сквозъ зубъ ворчишь, гну спину цѣлый часъ,

А не спорится и съ шрудами,

Какъ будно сѣюшь на заказъ.“

*) Слѣдующія двѣ Басни удостоились бытъ представ-
лены Имперапорской Россійской Академіи.

Пошелъ бѣднякъ обратными слѣдами
 Мешеное впорично подметашъ.
 Вопъ вподлинну пылинки не выдашь.
 Но чполько чисшота не долго па продлилась,
 И нижняя спупень
 Опяшь опъ верхней засорилась.
 Слуга спалъ въ пень,
 Успанешъ по неволѣ,
 Разъ десяпъ въ низъ сошелъ, иль болѣ.
 Дуракъ! дуракъ!
 Прохожій закричалъ шупъ, выди изъ перпѣнья,
 Да пы мешешъ не шакъ.
 Ну еспъли бы какого гдѣ правленья
 Желая плушни изпребипъ,
 Кпо началъ напередъ меншихъ пузипъ;
 Сперва бы спорожа, привратныхъ и кописповъ,
 Попомъ подьячій родъ, канцелярисповъ,
 Попомъ секретарей;
 А памъ-то бы взялся и за судей:
 То скорѣ ли бы онъ завелъ въ судахъ порядки?
 Судью подьячимъ не уймешъ;
 Подьячаго хопъ въ прупъ сожжешъ,
 Судья все спанешъ грабипъ взяпки.

ВОЛЪ, ОСЕЛЪ И КОНЬ.

Б а с н я.

Однажды волъ, осель и коць между собою
 О первенствѣ вспунили въ споръ.
 Осель, вы скажете, по сущій вздоръ!
 Уродинѣ шпаконъ, и гордостью пустою
 Прилично ль мысли надувать?
 Но гордость никому, по правдѣ, не подь спашь,
 Однако же встрѣчаемъ и межъ нами,
 Что голову иной наполня пустяками,
 Всѣхъ спавипъ за ничто
 И даже по
 Не только съ *умными* — бываетъ съ *дураками*.
 Ипакъ осель спашь утверждашь,
 Что врьдъ полезнѣ его гдѣ приискашь.
 Тупъ волъ, сколь ни былъ шпихъ, умѣрень,
 Но всѣ свои дѣла по пальцамъ разошпъ,
 Сказаль: въ шомъ цѣлый мѣръ увѣрень,
 Что всѣхъ полезнѣй я.
 Взмахнулъ красивый коць волнистой гривой —
 И съ вышпущкой манежной, горделивой
 Молчипе! закричалъ....
 Не я ли съ воиномъ побѣды раздѣляль?
 Не я ли: былъ опъ вѣка
 Всѣмъ предпочпенъ скопцамъ?

Но чтобы въ пустякахъ не спорить намъ,
То спросимъ-ше о томъ рѣшенья челоуѣка.

А челоуѣкъ какъ шупиѣ—и не одинъ;
Ихъ шрое въ рядъ — и всѣ различныхъ соспояннй:

Цыганъ, да мѣльникъ, да поселянинъ.
Осель, безъ дальнихъ разысканйй,
Кпо ближе былъ, шому поклонъ:

Пожалуй разсуди: полезнйй я, иль онъ?

О первенспвѣ у насъ размолвка межъ собою.

Ты подлинно, сказалъ цыганъ,
Съ пустою головою.

Такой ли складъ коню и образъ данъ,
Какой имѣешь пы, безумная скопина?

На взглядъ онъ суцная карпина;
А пользы опъ него пакъ вдругъ и не сочтешъ
Нѣтъ, брашъ! пы врешъ!

Тупъ мѣльникъ закричалъ. Ослиная порода
Полезнйй всей
Скопины для людей.

Ну гдѣ бы съ мѣльницы намъ ждашь дожда,
Когда бъ ослы перевелись?
Пожалуй-спа остановись,

Цервалъ поселянинъ, могу на всѣхъ послалъся,
Чпо первенспво должно бышь опдано воламъ,
И чѣмъ бы намъ
Безъ нихъ пипашъся?

„Такъ нашъ, сказалъ шупъ конъ, напрасенъ шрудъ.
Какъ вижу, у людей на все своя причина,
И ихъ приспраспенъ судъ.“

Да польза часпная ешь общная пружина,
Цыганъ ему въ олвѣптъ;
Не его ль движешъ издавна свѣптъ?

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ДМИТРИЕВУ.

При посвященіи ему слѣдующихъ I Сказки
и III Басень.

„Умолкни соловей! спорхни съ высокою ивы —“
Сказала Спрекоза, спрекоча подъ правой,
Пѣвцу гремящему у ней надъ головой —
„Умолкни — перерви расказы , переливы:
„Послушай пѣсенокъ моихъ,
„Я у тебя перенимала ихъ. —“
Искусные пѣвцы нигдѣ не горделивы,
И по замѣчено, не только средь людей,
Но даже и среди всѣхъ разныхъ родовъ птицы;
Слѣшель учивый соловей
Послушашь ученицы.
Экзамень кончился: „ну что жъ, изволь сказать —“
Жужжала Спрекоза — „не сходныль наши прѣли? —“
Когда о сходствѣ разсуждашь,
Такъ нужно намъ, чшобъ вмѣспѣ мы пропѣли,
Пернапый отвѣчалъ. — „Пусть такъ: начни же самъ. —“
Взвился пернапый къ небесамъ,
И звонкій гласъ его въ упѣсахъ вшора звонъ
Изъ дола въ доль, изъ лѣса въ лѣсъ
Помчался вихремъ безъ препоны.
Пѣвицынъ Гимнъ исчезъ —

Напрасно крикомъ изпоощаетъ силы;
Исчезли всѣ и виды горделивы!

Боясь, что сказку въ быль мою ты обратишь:
Тогда пою, какъ ты молчишь.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ И ЗОЛОТО.

С к а з к а .

Жилъ за моремъ спарикъ; онъ не былъ знапень,
Провель, какъ говоряшь, свой вѣкъ въ глуши;
Но былъ за доброму души

Опъ всѣхъ почпенъ, всѣмъ милъ и всѣмъ приапенъ:
Совѣша ль попросишь, иль съ нуждами, съ бѣдой

Къ нему бѣжалъ и малой и большой,
И всякой опъ него спокойнымъ возвращался.
Онъ не былъ и богатъ, однако жилъ безъ нужды;

Бывъ шакъ же гордоспи безумной чуждъ,
За слабоспъ на людей не слишкомъ раздражался,
Умѣлъ опъ ней дѣлишь порокъ:

„Найдиспъ, говорилъ, шакого, кто бы могъ
„Собой предшавишь совершенство!
„Одинъ горбатъ, шопъ глухъ, шопъ хромъ,
„Другой каршавъ; а шопъ съ бѣльмомъ,

„И недосшавки ихъ сущъ общее наслѣдство.
„Природа на луши,

„По коему каждому назначено идпи,
„Разсыпала различныя каменя;

„Ишакъ, чшобъ избѣжашъ паденья,
„Пойдемъ-те, брашцы, мы рука съ рукой. —“

И подлинно онъ шо оправдывалъ собой,

Всѣмъ просширая руку:

Съ печальнымъ грусть дѣлалъ, съ унылымъ скуку:
Съ убогимъ серебромъ; когдажъ копейки нѣтъ;

То давъ по крайности благій совѣтъ,
Утѣшивъ, обласкавъ съ словами лилъ надежду.

Случалось ли найши невѣжду,
Иль верпопраха, иль лжеца;
Съ шакоюжъ крепостью, не зашѣвая ссоры,
Ихъ просвѣщаль умы и исправлялъ сердца.

Тамъ прекращалъ семейныя раздоры,
Здѣсь съ юными дѣвками шушилъ,
Искалъ супруговъ имъ dospoйныхъ.
Для всѣхъ былъ нуженъ, миль,
И видѣлъ вкругъ себя однихъ довольныхъ.

Когда-то добрый сей мудрецъ
Нашелъ несмѣшное червонцами имѣнье:
„Вотъ новое убогихъ всѣхъ наслѣдье!“
Найдя онъ вдругъ вскричалъ — но подъ конецъ
Задумался — и взялъ другія мѣры.

„Нѣтъ, лучше деньги тѣ пуцу я въ ростъ;
„Войду въ чины, займу хорошій постъ;
„Ужель Министры всѣ, судьи и кавалеры
„Достигли службою высокихъ споль чешей?
„Ну много ль бы нашлось на степеняхъ людей,
„Когда бы степени за службу раздавались?
„И Графшва съ мололика не рѣдко продавались;
„А проспенкой, судейской чинъ
„Бездѣлица! куплю и не одинъ!
„Тогда въ dospoинствѣ семъ новымъ
„Могу для каждого я пользу оказать:
„За припѣшеннаго горою спать;
„А сирому служивъ покровомъ.
„Припомѣ — и самъ ужъ сдѣлаюсь не попъ;

„Не буду никакихъ домашнихъ знать хлопотъ.
 „Куплю по больше слугъ, соорюю домъ огромный,
 „Прибавлю пашней и садовъ,
 „И буду въ нихъ владѣлецъ полный. —“
 Сказалъ и задесять замковъ

Лыбезные червонцы замыкаетъ;

Когда же снова онъ о почестяхъ мечтаетъ,
 Тогда пришли ему сказать,
 Что въ праздничномъ нарядѣ,
 Какъ по воскреснымъ днямъ по изспари въ обрядѣ,
 Креспяне юные сошлись поплясать

И ждуть его прихода:

„Какъ будто я живу для нихъ и хоровада!
 „Вели однимъ начать.“

Хозяинъ отвѣчалъ и спряпался подалѣй,
 Чтوبъ лучше жерпвой бытъ заботъ, мечлы, печалей.

Потомъ придумалъ онъ

Участокъ золота назначеннаго бѣднымъ

Сложивъ съ пѣмъ золотомъ найденнымъ;

Но вдругъ за дверью слышитъ спонъ:

То бѣдный былъ изъ ближняго селеня;
 Знавъ благоспъ мудреца, пришелъ къ нему

Проситъ въ напаси вспоможеня.

„Мѣня, онъ говоритъ, влекупъ въ шюрму,

„За то, что не плачу оброка,

„Недѣли не дають поправитъ мнѣ срока!

„Ахъ! сжался, помоги бѣдѣ моей!

„Скопъ, рухлядъ, хлѣбъ — все выпродано въ домѣ;

„Лишь шестеро дѣшей оспалось на соломѣ.

„Ей, ей. —“

Нашъ Крезъ сказалъ — „нѣтъ ни единой

„Копеечки наличными теперъ.“

Проситель зашворяетъ дверь,
 Безъ подозрѣнiя ко лжѣ поспыдной,
 Вздохнулъ — и вонъ ушелъ ни слова не сказавъ.
 Тупѣ сердце у себя богатый опыскавъ
 Бѣжипъ къ крестьянину, бросается на шею,
 Даетъ сто золопыхъ и каешся въ винѣ;
 Попомъ собравъ народъ живущiй въ той спранѣ:
 „Друзья!“ имъ говоритъ — „врага я здѣсь имѣю!
 „Спасите опъ него! — съ шѣхъ поръ какъ онъ со мной,
 „Я сдѣлался ни вашъ, ни свой:
 „Душа моя черспвѣ камня спала.
 „Сей врагъ: куски мепалла!...
 „Пусть всякъ изъ васъ возьметъ единую ихъ часть,
 „И сердцу моему дастъ прежнее веселье.
 „Въ рукахъ у одного, они влекутъ напасъ;
 „По многимъ разоидясь — приносятъ ушѣшенъе.“

Излишекъ золота, равно какъ нищеты
 Всегда покоя врагъ; не рѣдко правопы.

СМЕРТЬ И ЕЯ ПРИДВОРНЫЕ.

Б а с н я.

Когда-то смерть, правительница свѣта,
 Къ любимцамъ всѣмъ своимъ опправила указъ :
 „Въ шакой-то день, въ шакой-то часъ
 „Собраться вамъ ко мнѣ во адѣ для совѣта.
 „Любя опечество, какъ мать,
 „Для пользы его, не ради славы,
 „Чтобъ все цвѣло вокругъ моей державы,
 „Хочу себѣ изъ васъ наперсника избратъ ;
 „Но не вскружитесь мечшами!
 „Сей почести не лъзя искапъ
 „Пронырспвомъ, родомъ, иль чинами ;
 „Она тому достанется въ удѣлъ,
 „Кто славныхъ болѣе въ свой вѣкъ содѣлалъ дѣлъ ;
 „Кто подвиговъ своихъ покажетъ мнѣ табличы ;
 „Чьей болѣе рукой наполнились гробницы.“
 Прочпепъ указъ — опправился опрядъ ;
 Бѣгупъ : подагра, водяная,
 Заваль, чахопка, сплинъ, зараза моровая,
 А съ ними въ рядъ
 Мигрени, спазмы, флюсь — лихой проспуды дѣши.
 Всякъ льспишпся быпъ наперсникомъ у смерти :
 Но смерть на легкую всю сволочь шу
 Едва ли обратишь изволила вниманье.

„И вась, сказала имъ, орудіями чину;
 „Вы исполняете чужое приказанье;
 „Я не машинъ ищу — мнѣ нуженъ машинистъ.“

Пустилося тогда другой породы зелье:

Предсаль данписъ, цирюльникъ, окулистъ,
 Учитель, ученикъ, езель и подмасперье,

И словомъ, весь почтенный Факультетъ,
 Котораго, за грѣхъ, и счету членамъ нѣтъ.

А тамъ пороки всѣ единою толпою:

Злоспъ, зависть, мщеніе съ лютойщею войною,
 Опущошавшею не рѣдко свѣтъ.

Возвеселилась смерть, взглянувъ на ихъ спаницу,
 Ослабя сивія уста

И подяда изсохлую десницу,
 Да перспомъ каждому опредѣлитъ мѣста.

Ужъ всякъ изъ докпоровъ воспоргомъ полонъ мнишь,
 Чшо приместь царскаго наперсника названье,

Ужъ всякой съ радости дрожитъ:

Но — о судьба! возшло *невоздержанье*,

И смерть имъ сдѣлавъ всѣмъ учивѣйшій поклонъ,
 Съ *невоздержаніемъ* свой раздѣлила шронъ.

ЧУГУННЫЕ И ГЛИНЯНЫЕ ГОРШКИ.

Б а с н я.

Какой-то мѣщанинъ ведя горшками шорть,
 И накопя ошъ нихъ изрядное имѣнье,
 По силѣ, сколько могъ,
 Имъ вздумалъ сдѣлать награжденье.
 Собралъ послѣдушки — и говоритъ:
 Мнѣ испари вашъ родъ благошворитъ,
 Я вами сытъ, одѣтъ, доволенъ.
 За предковъ вашихъ шрудъ — и въ память ихъ заслугъ,
 Хочу, чѣмъ всякъ изъ васъ: ихъ внукъ, ихъ сынъ, ихъ другъ
 Опнынъ былъ бы воленъ.
 Вопъ двѣ дороги вамъ:
 Хопите ль счастья искашь по городамъ,
 Сей часъ въ возы — и самъ опправляюсь съ вами;
 На родинѣ ль останешесь межъ нами,
 Живите въ нѣгѣ, безъ шрудовъ,
 Какъ будто бы у васъ горшковъ
 Хозяина и не бывало.
 Довольны шѣмъ горнки — и спали разсуждашь,
 Кому какой удѣль избрать.
 „Намъ жить въ глуши ни мало не приспало,
 Чугуны въ голосъ всѣ, желаемъ видѣшь свѣтъ!“
 А мы, сказалъ горшокъ, по слабости сложенъ,
 Должны искашь уединенья.

Останемся, друзья! въ насъ столько силы иъпль,

Чтѣмъ по свѣту шаскапсья,

Ихъ милоспль мѣжетъ прогуляпсья;

Такая ль крѣпоспль въ нихъ!

Ихъ кожа въ сотеро плопнѣе,

Имъ будужи лѣша вѣрнѣе,

Чѣмъ намъ единый мигъ;

Опъ первой неприпшной вепрѣчи

Изъ насъ останепа лишь прахъ....

„Когда васъ держипль только страхъ,

Прервалъ чугуиъ горшковы рѣчи,

„То мы вамъ вѣрный щипъ.

Вездѣ, во всѣхъ бѣдахъ укромемъ васъ соблю;

„Напрыгнетъ ли буянъ — мы пошчасъ къ бою,

„Изъ васъ же всякой пуспль спокойно спипъ.“

Горшокъ поклонъ — и въ возъ къ чугунамъ завалился.

Хозяинъ пупъ же къ нимъ — и въ пупъ пуспиллся,

Извѣспно, что въ пупи во всѣхъ мѣспахъ

Безъ прудности не доспигаюпль цѣли,

И наши пушники узнали шо на дѣлѣ;

Гдѣ должно проѣзжашъ оврагъ,

Гдѣ горы, гдѣ моспы, гдѣ вязкiя болопы,

Гдѣ даже каменны оплопы.

Горшку не въ мочь, копя буяновъ не видать;

Сосѣди прыгаюпль, какъ будшо бы хмѣльные,

Иль угорѣлые, шальные;

Топъ въ бокъ его, піопъ въ грудь — не знаешъ, что начашъ.

Толчки припшельски, равно какъ опъ враговъ,

Всегда толчки — опъ нихъ не меньше больно.

Сосѣди ради бы покой взяпль опъ прыжковъ;

Но прыгаюпль невольно.

Едва усадушся — какъ новая бѣда!

Тамъ ни перескочнупъ — тамъ кочки;
Другъ друга толкъ — и безъ вреда,
А хрупкаго горшка оспались черепочки.

Блаженъ, кто съ равными свой жребій соединилъ!
Союзъ пошь гибеленъ, гдѣ нѣшь равенства силъ.

т

*

РУССКАЯ ПОСЛОВИЦА.

Б а с н я.

Вездѣ къ пословицамъ имѣюпть вѣру;
 Не къ шапѣ, къ шапѣ ли, все спавяпть ихъ къ примѣру:
 Таковъ введенъ обрядъ!
 А кто ему не плашипть дани?
 У насъ, у Русскихъ говоряпть,
 Что будшо миръ худой полезнѣй доброй брани.
 Напрошивъ лучше вѣкъ съ коварнымъ веспъ войну;
 Съ нимъ менѣ враждой, чѣмъ дружбой пошеряемъ:
 Врага мы спережемъ, а другу довѣряемъ.
 Хочу къ пому сказанъ вамъ сказочку одну.

Соскучилось овцамъ всегда быпть на спорожѣ:
 Вчера — сегодня — завпра поже,
 Все бѣгай опъ волковъ —
 Не лзя и поиграпть свободно;
 Опправили онѣ за миромъ къ нимъ пословъ:
 Намъ, волки говоряпть, и миролюбье сродно.
 Согласны съ вами мы въ союзъ вступипть;
 Но чтобъ довѣренность взаимно сохранипть,
 Тѣ сдѣлаемъ пракапть въ порядкѣ самомъ спрогомъ,
 И укрьпимъ двойнымъ залогомъ:
 Мы вамъ дадимъ родныхъ своихъ сыновъ,
 Волчашокъ безъ когтей и безъ зубовъ;
 А вы намъ дайше вашихъ псовъ.

Овечки добрыя опть радости чупь дышупть :

Ну, думаютъ, на вѣкъ спаслися опть врага ;

Даютъ собакъ, прапашы пишупть,

И прыгая бѣгутъ въ луга

Свободой полной наслаждашься.

Но вышло все не такъ !

Бывало волки къ нимъ начнупть лишь подбираться ;

Анѣ вдругъ на лай собакъ,

Бѣжишь паспухъ съ дубинкой :

Врядъ поживишь гдѣ одной скопинкой ;

Теперь, какъ псы молчатъ,

А опть волчатъ

Лешаютъ къ нимъ гонцы съ вѣспями,

Теперь они спавъ прежними врагами,

На спадо невзначай набросились шолпой,

И всѣхъ покущали овечекъ до одной.

Т Ъ М Ъ,

КОТОРЫЕ ПРЕДЛАГАЛИ МНѢ ПИСАТЬ ГИМНЫ.

Опшсюду бѣдствомъ упѣсненна,
 Могу ль воспѣть шворца міровъ?
 Изъ дерзновенныхъ скорби словъ
 Была бы пѣснь ша сондепенна:
 Покорность спраждущихъ ешь гимнь шворцу міровъ.

✧

Опшсюду бѣдствомъ упѣсненна,
 Могу ль слагать хвалы царямъ?
 Идя по шерновымъ спезямъ,
 Я мню, что въ пернахъ вся вселенна:
 Народа счастье ешь лучшей гимнь царямъ.

✧

Опшсюду бѣдствомъ упѣсненна,
 Могу ль упѣхи пѣть родства?
 Я знаю скорбь лишь сиротства,
 Бывъ съ дѣшства чуждыми вскормленна:
 Семейны радости ешь гимнь въ хвалу родства.

Отвсюду бѣдспвомъ утѣсненна,
 Могу ль пѣшь сладость нѣжныхъ узъ?
 Съ напасью ушвердя союзъ,
 Хладъ душъ я вѣдашь осужденна:
 Улыбка милыхъ намъ естъ гимнь для нѣжныхъ узъ.

Отвсюду бѣдспвомъ утѣсненна,
 Хочу блажишь могильный сводъ:
 Къ нему оправдѣнь, миренъ входъ!
 Съ нимъ сонъ и пишина священна!
 Онъ съ бѣдспвомъ примиришь. . . блажу могильный сводъ.

МОЙ ПОРТРЕТЪ , СПИСАННЫЙ НА ДОСУГЪ
ВЪ ОСЕННИЕ ВѢТРЫ ДЛЯ ПРИЯТЕЛЕЙ. *)

Помыслишь — было, чѣмъ со скукою сражашься,
 Чѣмъ свиснь осенній заглушитьъ :
 Сиди какъ въ заперши, не только прогуляшься,
 Не лъзя и въ комнапѣ окошка опворишьъ,
 Ни даже уголка безмольнаго найпишь ;
 Въ прубахъ ; подъ кровлей — средъ карнизовъ,
 Вездѣ пѣвцовъ незваныхъ шьма —
 Ну — право сносите зима !
 У эпой въ каждый часъ десятокъ естъ капризовъ :
 То ливный дождь — по съ сѣвера борей,
 А съ юга аквилонъ сорвавшись съ цѣпей,
 Средъ улицъ межъ собой вспунають въ споры,
 То вдругъ опять попрячутся всѣ въ норы
 И солнышка проглянетъ лучъ ;
 То въ самой сей же мигъ изъ бѣлыхъ шучь

*) Осмѣливаясь напечатать здѣсь споль маловажное обстоятельство, и сдѣлала сіе въ удовольвореніе моимъ ближнимъ, копорые одни только могутъ найши въ немъ нѣчто заслуживающее вниманіе; почему, читатели весьма справедливо поштуляшь, пропусия сіи стихи, какъ бѣлые листы.

Посылетъ снѣгъ пушистой,
 Попомъ покроецца корою льдисшой,
 Иль распопившися сберещя въ шокъ;

А шамъ Но чпо счишашъ! незапны перемѣны
 Одной ли осени порокъ?

Опъ бури и дожда меня скрываютъ спѣсны;
 Займемся жъ чѣмъ нибудь ... да чѣмъ? — Вопъ ша бѣда!..
 „Здѣсь паяцы и съ канвой! —“ нѣпъ, нѣпъ глазамъ на-
 -кладно....

„Такъ книгами — вопъ шкапъ! лишъ шагъ сюда.“
 Опъ нихъ ужъ въ головѣ ей ей шуманно.

„Ну вопъ чернилица! —“ Прекрасно! почно пакъ!

Пускай о кровлю дождь спучипъ, дробишя,

Пускай на спекла снѣгъ ложипся

И въ полдни спустишя сумракъ;

Иль вѣпръ одинъ спѣшипъ другимъ на
 встрѣчу —

Съ перомъ въ рукахъ авось пого и не примѣчу.

Но чпо же мнѣ писашъ — и чпо возьму за цѣль?

Труды смѣшны, когда имъ нѣпъ предмета!

Эклогу бѣ сочинипъ, хопя въ забаву свѣшта.

Да къ ней приапная нужна свирѣль;

А ихъ нигдѣ здѣсь нѣпъ продажныхъ.

Такъ я исполня мысль сраженій спрашныхъ,

На полѣ Марсовомъ остановя свой взоръ,

Лепая въ лагеряхъ крылапными мечпами,

Рукою смѣлою — и рѣзкими черпами

Изображу двухъ царствъ кровавый споръ.

Но какъ мнѣ по воспѣшь, чего не знаю!....

Геройства нѣпъ въ душѣ — и мцѣнемъ не пылаю;

Къ тому жъ кровавыхъ битвъ смерпельно я боюсь....

Нѣпъ лучше успремлюсь

Къ хвалѣ великихъ въ мѣрѣ!

Перстами бѣглыми на мѣрѣ

Я громки поны извлеку:

Царей благихъ изчислю;

Вельможъ — судей правдивыхъ нарѣку.

Не нужно въ дальніе лепашь предѣлы мыслью,

Опечесство мое обильно ими.

Воспламенясь похвальными дѣлами

Ихъ имена спасу между вѣками

Я пѣснями своими.

Внемлите поздние потомки!

„Се добрый, кроткій циркъ! „Но гдѣ пимпановъ звонъ?”

„Хвалы твои несильны и негромки.

„Для рѣдкихъ, славныхъ дѣлъ — пакой ли спрой и понъ!”

„Копя бѣ *Державина* цохипила ны спруны;

„Но нѣжность, сладость и перуны

„Опъ рукъ его не перейдушь къ шебѣ

„Оситавь, когда угодно пакъ судьбѣ,

„Оситавь лишь одному ему влянья

„Спошь дивныя въ умахъ производить,

„Чшобъ смертныхъ имена безсмертными пворишь,

„Всѣхъ прелестей собравъ очарованья.—“

Покорствую — къ плому жъ и въ головѣ моей

Родились вдругъ *железнымъ* перемѣны.

Я къ музамъ обращаюсь — и лепшю рѣчей

Склоню — да чистаго попока *Инокрены*

Дадушь вкусить мнѣ сладкихъ водъ.

Наивышисъ ихъ начну учить пародъ:

Предситаваю слѣдсшявя порочной спрасши,

Покорность должную верховной власти,

Семейны радости — обязанность дѣпей —

Упѣху добрыхъ дѣлъ — раскаянье коварства,
 И въ золотѣ найдя оправу для людей,
 Спасу ихъ низкаго корысти рабства;
 Сорву шу грубую повязку съ ихъ очей;
 Ко ближнему любовь пролью въ ихъ чувства;
 Всѣ знанія свои — и всѣ искусства
 собрать къ ихъ ползѣ обращу:
 То въ кита вдругъ себя — по въ птицу заключу,
 И даже въ комарѣ я буду имъ полезна,
 А съ пользою любезна.
 Вопьь подлинно предметь!
 О вы отрада души! — прелестныя, младыя!
 Оставляя своды голубыя
 Слѣзтитесь съ арфами! „Ихъ дома нѣтъ —
 „Онѣ“ О! ты, съ блестящей колесницы
 И онѣ пудаже позванъ на совѣтъ. —“
 А что тамъ дѣлають ихъ божескія лица?
 Дикшуютъ всѣ что часть — по листъ....
 Э! э! — Да шопь—по чтожъ? — Кописпъ!
 Ну право не завидно
 Одно лишь по какъ будпо бы обидно,
 Что хвалять безъ заслугъ.
 Вопьь мы — пакъ вѣкъ одни — и подлинно шрудимся
 Намъ Музы не въ свойствѣ — и Аполлонъ не другъ;
 А счешомъ рифмъ хопь съ кѣмъ сравнимся.
 Куражъ! — перпѣнемъ спроятъ города!
 Однако что—по не клеипся....
 Куда ни кинуся — вездѣ бѣда!
 Что жъ бога мнѣ гнѣвипъ! вишь съ рифмою ложипся!
 Одно предпятствіе: идей не соглашу;
 Бышь можешъ, что спѣшу;
 Бышь можелтъ опъ погоды.

Подъ часъ мрачатъ умы гуспыя облака!

„Бышь можешъ, что берешъ пы слишкомъ съ высока ; ;

„Къ чему поэмы все — да оды!

„Что познакомѣ, шакъ по и попросишь!

„Похвальноть съ пользою учить народы ;

„Но проповѣдники родяпся безъ *страстей*.

„Начни-ка пы съ себя — себя извѣдай,

„Попомъ и проповѣдай. —“

Съ себя! какъ будто эпо прудъ!

Такой себѣ дамъ судъ,

Какой бывалъ въ Ореонагъ ;

Извольте хопъ къ присягѣ —

Приспраспье прочъ

Порпрешъ съ себя вамъ дашь вѣрнѣйшій ;

Со всѣми слабостыми-почъ въ почъ,

Не скрыть и малости самомалѣйшей.

Надѣюсь — я не изъ дурныхъ —

И кажется могу учить другихъ.

Извѣстно на примѣрь, что рабъ и что владѣтель

Не рѣдко въ мѣрѣ семь изъ той же чаши пьютъ,

Что люди не въ однѣхъ пеленкахъ слезы льютъ,

И что шерпѣные ешь большая добродѣтель.

А я, въ преврапной жизни сей,

Къ немалой похвалѣ своей,

Въ замѣну брэннаго имѣнья

Предспавлю горы вамъ шерпѣнья ;

А что не лгу —

Примѣромъ докажатъ могу.

Случается бѣдой, какъ шучею покроешь,

Падешъ на мысли грусть, и сердце все изноешъ ;

Куда ни кину взоръ — вездѣ одна бѣда —

Ни крошки къ счастью — ни слабаго слѣда ;

Уже и громъ гремѣлъ — а небо все мрачилось,
 Готовясь каждый мигъ надъ бѣдной разразиться.
 Ну, чѣмъ бы спали вы грусть сердца облегчать?
 На вѣрно бѣ начали спѣвать, ропшать, вздыхать.
 А я шакъ напропивъ иначе поступаю,
 Ропшаньемъ, думаю, судьбы не испугаю;

Такъ лучше же умѣть
 Терпѣть.

Чтобъ люди опть меня не припались за спѣны,
 Я время разложу на двѣ различны сцены:

Для дня запру опть вздохомъ грудь,
 На сердцѣ скорби скрою,

И мертвое лице улыбкою покрою;

А ночью пока слезъ открою шумъ.

Ужель, вы мыслите, легко владѣть душою!

Но все ли шумъ

Однажды на бѣду пѣхъ, кто со мной живущъ,
 Припала къ музыкѣ мнѣ спрасная охота,

Таланпа же ни капли нѣтъ!

„Пожалуй не учись. —“ Друзья даютъ совѣтъ —
 И слушать не хочу! — не день — не два — при года

Сижу и бью въ набашъ;

Учипель мой и деньгамъ ужъ не радъ

А я и по ночамъ шржуся!

Опть всѣхъ уйду — запруся —

И шрудъ не въ шрудъ!

Подъ часъ насмѣшники придуть:

Я умысла же ихъ нимало не смѣкая,

Прошу: пожалуй-те ударь-те мнѣ кидансѣ.

„Изволь-те, хорошо, вишь это контрадансѣ,

„Мль проспо ллясовая. —“

Возможно ли! — какіе пустяки

Адажіо играю!

„Да мы въ музыкѣ-шо не слишкомъ далеки. —“

Насмѣшка не понка — къ несчастью понимаю;

Обидно — пакъ и бышь — молчу:

Вооружусь перпѣньемъ,

И съ новымъ рвеньемъ

Тождь самое *адажіо* учу.

И шо не все — еще вамъ разсказать хочу:

Случится иногда въ холодную погоду,

Иль пакъ изъ шалости — иль уважая моду

Плашки съ себя — солопы прочь,

Попомъ и занемочь.

Какъ иглы оспрѣя по всей летаютъ;

То ледъ почувствую, шо пламенемъ палишь;

Едва сажу — всѣ видятъ, замѣчаютъ:

„Иль голова болитъ? —“

Ни крошечки! — съ чего вы взяли? —

„Блѣдна какъ смерть, — хопъ въ зеркало взгляни!“

О нѣтъ! я пакъ сажу въ пѣни.

А въ испинну боюсь, чпобъ не пеняли;

Самá причиною, пакъ чпожь, какъ не молчать!

Ну — право бы иной спалъ голосомъ кричать;

А я перпѣниемъ вездѣ вооружаюсь:

Хопъ смерть въ глаза, и шой не испугаюсь.

Равно какъ иногда

Но вопъ внезапная бѣда!

Противность вдругъ перпѣнью повстрѣчалась!

Когда бы кляпвой не связалась,

Во вредъ себѣ опинюдь неспала бь говорить;

Теперь пришлось все наружу выводить.

Не чудо ли! Все почъ въ почъ справедливо;

Но нѣчто — да не шо прибавлю вамъ за диво:

Терпѣніе во мнѣ и есть — и нѣтъ —
 Оно какъ солнечный сегодня свѣтъ,
 То въ яркихъ вдругъ лучахъ прольется,
 То мрачной тучей обовѣется.

Бездѣлица: иль кашель — иль угарь —
 Всѣхъ изъ дому гоню слезами.
 Кричу: чахотка, бредъ и жарь —
 И спо смершей передъ глазами.
 Бѣда — кѣто слово вопреки!..

Всѣхъ съ ногъ собью: сей часъ за лѣкаремъ скачите!
 Попомъ: нѣтъ! нѣтъ! они болваны, дураки!

Ой, смерть пришла! -- проспите!

Клеонъ всѣхъ посмѣлѣй,

Съ совѣтомъ подойдетъ: „ахъ, мапушка! ей ей
 „Ты болѣе себя предшиь сомнѣняемъ;
 „Вооружись хопя на часъ перипѣнемъ.“
 Спасибо за совѣтъ!

Другому боль моя конечно не во вредъ.

„Эхъ мапушка! тебѣжъ добра желаю!“

Конечно...знаю...

А сами, думаю, не любите спрадать!

„Вопъ два года проспую спрадаю!“

Угодно вамъ и мнѣ пого же пожелать?

Но мнѣ ни малой нѣтъ къ тому охоты

„Да пы словамъ даешь иные обороты,

„Къ примѣру я себя сравнялъ съ тобой.“

Вы человекъ — а я другой.

Во мнѣ споль справнаго нѣтъ чванства,

Чтобы любить не мочь;

Къ тому жъ примѣры не лѣкарства!

Клеонъ вздохнулъ похалъ прочь.

Когда по склонностямъ къ красамъ природы,

Осмѣлясь имъ иглою подражать,
 Темиру вздумаю къ совѣщу приглашать:
 Какъ мыслишь, милая, въ семь гропѣ своды
 Не болѣе ли скрытъ опъ солнечныхъ лучей?
 „И! нѣтъ, нѣтъ, хорошо! по чеспи лѣсь, ручей
 „И даже хижинка, какъ будто изъ-подъ киспи.
 „Одной небрежностью вредилъ;
 „Скажи, къ чему спѣшилъ?
 „Хоть нѣсколько *лцань* почиспи
 „Какой неровный шовъ!“
 Ну споишь ли по словъ!
 „Какъ споишь ли? — смотри прегадко!
 „Одинъ спешокъ сюды — другой глядишь шуды...“
 Ужель страдаешь вкусъ, что вышито не гладко?
 Оспавимъ тяжкіе шруды!
 Они въ работахъ лишь, а не въ искусствахъ нужны;
 Пусть рабскія имъ головы послушны.
 „Но вкусъ одинъ безъ чиспошы ничпо.“
 Я мышлю иначе а въ испингу не по:
 Не достаешь терпѣнья. —
 Оно вездѣ мнѣ камень прешкновенья..
 Примусь ли за перо,
 Иль прежніе спихи доспану изъ бюро,
 Что бы прочесъ ихъ съ знапоками —
 И ихъ сужденіе узнать?
 Съ поклономъ къ нимъ: прошу мнѣ испинну сказать,
 Я безприсраспными считаю васъ судьями,
 Не должно ли чего въ спихахъ сихъ опмѣнить,
 Или по крайности иными замѣнить?
 Усядемся чишать — пойдуть разборы.
 „Вопъ это бѣ опмѣнить“ да рифма проладешь!
 „Другую поискашь.“ — и споишь ли хлопощь!

На мѣлочнѣ такой кто оспановишь взоры?

„Однако лучше бы здѣсь рѣчи бышь другой ;

„Но какъ погрѣшности въ помѣ нѣшь большой,

„То далѣе пойдемъ, вишь эпо не поэма —

„Къ тому жъ вы пишете, что бѣ скуку сокращишь.“

О! безъ сомнѣнія — лишь время бы убишь,

А лира не моя эмблема.

И рада — рада, что наша

Хоть малый поводъ къ оправданью ;

Со всемъ шѣмъ опъ хлопошь не далеко ушла :

„Помилуй-ше! здѣсь мѣсто ли вздыханью?“

Вскричалъ мой рецензешъ — „прилично ли, что вы

Сюда поставили *цвы*? —“

Теперь опняшь, такъ спошь и не дочтемся!

„Однако же для спошь,

„Безъ бѣдъ не плачемъ мы — безъ смѣха не смѣемся.

„А эпо что? *цлалъ какъ снолъ*

„Какое низкое сравненье!

„Нѣшь, здѣсь пощада — снизхожденье —

„Вамъ обратишься въ вредъ!“

Все чувствую — но я признаюсь,

Теперь ужъ не могу опяшь шѣмъ вновь заняшься ;

„Да эпо суцій бредъ!

„Прилично ли къ орлу парить послали *муху*?

„Спросите хоть кого! —“ Я вѣрю вамъ ;

Но право исправляшь теперь нѣшь духу.

Ужель крылашый конь всегда подвластенъ намъ?

Вы знаете, пруды веселыхъ музъ пугаюшь ;

Онъ опъ нихъ, какъ призракъ, убѣгаюшь.

Конецъ рецензіи и вѣрный мой поршрешъ

О двухъ лицахъ ; но ахъ! паковъ весь свѣшь!

Покрайности, хоть шѣмъ могу я похвалишься,

Что не люблю кружиться,
 Гонясь за мечпой,
 И суешныхъ забавъ, какъ язвы моровой,
 Вседневно убѣгаю;
 Что прочное люблю, а плѣнность презираю;
 Что пихихъ, уединенныхъ дней
 На царскую корону не смѣняю;
 Что не наружностью плѣняюсь вещей;
 Что *шам, гребни, сантиманы*
 Не дѣйствуютъ на мой ни мало умъ;
 Что полны ль — пуспы ли мои карманы;
 Что тихо вокругъ меня, или еснь шумъ;
 Что свѣпящъ ли огни, блистающъ ли каменья;
 Что, что... „Поспой: и выдь изъ заблужденья,
 „Подъ часъ иль длинный *шлейфъ*, иль головной уборъ,
 „Войдя съ разсудкомъ въ споръ,
 „Какъ шруса, бѣднаго гоняющъ изъ сраженья.“
 Но то едва
 Случился въ круглый годъ иль разъ, иль два,
 А кто же, пажъ какъ я, въ желаніяхъ умѣрень!
 Красамъ природы болѣй вѣрень,
 И менѣй въ бѣдности находишь заа,
 И менѣй пребеуешь гремушекъ?...
 Убога хижина — два блюда для спола,
 Вкругъ спѣвъ скамьи проспяны безъ подушекъ
 Меня собой не успрашаешь!
 Когда свѣпило днѣ склоняюсъ на закапъ,
 Сквозь пусклое мое стекло ко мнѣ блистаешъ —
 И радужнымъ лучемъ блескъ въ блескъ опражаешъ;
 Когда въ замѣну арфъ — клавирь —
 Въ замѣну златоспрунныхъ лиръ,
 Звучащихъ водъ искусными перспами,

Крылапыте пѣвцы вѣясь подъ облаками

Воспорги въ преляхъ любуяъ :

Мажоры, моли, тоны, полтоны

Ко мнѣ съ зефиромъ шлюпяъ ;

Когда дщерь горестной Лапоны

Съ лазуревыхъ небесъ,

Свѣтъ шомной изъ очесъ

Спруей сребристой проливаетъ,

За мѣсто лампами утаенныхъ огней

Чушь, чушь сквозь гипсъ свѣплящихся лучей,

Предметы вкругъ менѣ едва лишь освѣщаютъ :

Тогда ошъ нѣжности переходя въ воспоргъ,

Забывъ различныя людей степени,

Гопова предъ пворцемъ просперишисъ на колѣни

Вскричатъ: колико благъ для шварей Богъ!

„Изрядно — но всегдаль ты споль великодушна

„И року мощному всегда ли споль послушна?“

Конечно не всегда

Какъ кто ограбленъ безъ суда,

То какъ не хмурился пому на Провидѣнъе!

Неволей иногда въ насъ сердце закипипъ.

Сидишь ли съ красошой, а что-то говоришь :

Ну эти бѣ прелести — румяный цвѣтъ ланипъ;

Во взорахъ нѣжное помлѣнъе;

Ну эшу бѣ спройноспъ — роспъ и бѣливу лица

Правдивѣй было для шворца

На часпи равныя межъ нами раздѣлишь.

За что жь одну, какъ Креза наградишь?

Съ какою легкостью она панцуешъ,

Какой для пѣнѣя органъ !

Въ другихъ природа всѣ шаланпы образуетъ,

Ко мнѣ, какъ мачиха — мѣпъ пуце : какъ ширапъ !

*

А эгопть умъ даръ спройно изьясилься,
 Способность все мгновенно понимаешь,
 Ловишь изящное: ему уподобляясь,
 Не лучше ли бы мнѣ опдаться?
 Прошу однакоже излишне спрого
 Одной наружностью меня не обвиняшь:
 Причины еспь пѣнять.....
 Онѣ не только намъ — и мудрымъ значать много!
 Какой же мещеде вы спройгй взоръ!
 Уже у всѣхъ успа къ упрѣкамъ распворились,
 Улыбки хипрля явились
 И всякъ спѣшишь запѣлль споръ.
 Спокойшесь — хорошо! согласна вамъ признашесь,
 Чшо року не всегда умѣю покоряшесь.
 За шо еще въ запасѣ еспь
 Одна души доброша:
 Я не премѣнчива, и въ мысляхъ обсропа
 Ничшо — ни адъ, ни рай не въ силахъ произвесь.
 Какъ дневное свѣшпило
 Въ назначенномъ часу
 Привыкли освѣщать хруспальную росу,
 Въ мгновеніи одномъ еще не измѣпило,
 И памъ, гдѣ шриспа лѣпль назадъ шому всходило,
 Оно взошло подобно и вчерасъ;
 Такъ я наклонностямъ однажды покоряшсь,
 Ко всякой новоспи пишая опѣраценье
 И даже въ малоспяхъ спрашася перемѣнъ,
 Одно и шоже ощущение,
 Храню въ душѣ своей всегда — и безъ измѣнъ.
 Лишь шо люблю — лишь шо считаю драгоцѣннымъ.
 На чемъ глаза мои привыкли опдыхашь,
 О чемъ душа моя привыкнула мечпашь,

Что сердце нарекло единожды священнымъ.

Та чашка -- попь спаканъ, копорый мнѣ служилъ,
Не бывъ хорошъ -- привычкой милъ,
И безъ цѣны имѣеть цѣну.

Не только вещь, люблю шу спѣну,
Которая меня изъ давнихъ лѣтъ блула

И мнѣ защиною была,
Хопя она не изъ богатыхъ.....

Люблю живописныхъ пѣхъ; собачекъ и пернапыхъ,
Которыхъ я опъ юныхъ дней
Сама рукой своей пишала.....

„Да будетъ ли конецъ у *Элистолы* сей?

„Сочи-ка, сколько насакала!

„А проку нѣтъ — все дрянь!

„Пожалуй же описпанъ

„Невѣрныя даваъ сравненъ!

„Топъ часъ и къ солнцу обращенъ...

„Ну что въ васъ общаго? — вся ша хвала,

„Всѣ сказанныя доброты,

„Которыя себѣ споль громко придала,

„Супъ глуности оплошы!

„Смонри! — шакіа ли у разума вѣсы?

„Не зная Химиі — онъ знаенъ шо навѣрно,

„Что золото неплѣнно,

„Что вѣсипъ съ тяжеспью чшо всѣхъ вещей
красы

„Лишь въ ихъ находяпся добротѣ;

„Что чашка, чшо спаканъ лишь цѣны по работѣ.

„Онъ царъ приспраспіа — законъ душѣ, всему. —

„Привычка слабому спрашна уму;

„Разсудокъ же предъ ней колѣна не сгибаенъ,

„И ига новаго себѣ не вымышляеть.....“

Онъ лю: молчу — молчу —
И болѣй ни писаць, ни слушаць не хочу:
И пакъ ужъ многіе опъ рифмъ моихъ вздремали.
„Такъ шѣ за сномъ въ аптеку не пошлюць,
„И съ цѣлью шрудъ:....
„Такихъ стиховъ немало мы читали.

П Р И В С Т Р Ъ Ч Ъ В Е С Н Ы .

Сердце сжатое плоскою,
Слило всё въ одинъ предметъ.
Цѣль одна ему къ покою,
Тамъ — на краю суешъ.

✱

Тамъ, гдѣ слабому сильнѣйшій
Не счисляетъ своихъ правъ ;
Тамъ, гдѣ Нерона любѣйшій,
Ярый укропился правъ.

✱

Гдѣ за деньги не обидящъ,
Не черпящъ земель въ куски.
Изъ чего ихъ домъ не видящъ,
Изъ мешалла иль доски.

✱

Не гремящъ гдѣ цѣпи рабски
И не брызжущъ слезы — кровь.
Гдѣ не носящъ съ видомъ ласки
Въ сердцѣ идъ — въ глазахъ любовь.

Гдѣ вельможа спрогимъ взглядомъ
 Спраха въ душу не прольещъ ;
 Тихо-кропко, съ нищимъ рядомъ
 Спишь какъ брашъ. -- Гдѣ власшь минещъ.

✱

Крещъ на шеѣ -- звѣзды, ленца,
 Гдѣ разсудковъ не шемнящъ,
 Графа -- паспуха -- Агенца
 Времена гдѣ прахъ смѣсящъ.

✱

Гдѣ мечшы покой не рушащъ,
 Спращи сердца не помящъ ;
 Не палящъ его -- не сущащъ ;
 Гдѣ все спишь -- и спращи спящъ.

✱

Я завидую покою
 Для меня его, ахъ ! нѣшь :
 Сердце сжатое поскою
 Смело всѣ въ одинъ предметъ.

✱

Вѣюшь ли кругомъ Зефиры
 Травки ль ароматы лющъ,
 Звуки ли согласной лиры
 Нѣжны шоны издающъ.

Иль любимицы природы
 Вѣрные друзья съ весной;
 Дѣши счастья, свободы,
 Пшички вьются надо мной.

✱

Песпра ль бабочка лептаетъ;
 Рыба ль плещетъ изъ воды;
 Солнце ль надо мной сілетъ,
 Или крошкѣй лучъ луны.

✱

Рѣчка ль шихо прошекаетъ,
 Иль блещишь въ кустахъ роса.
 Или вѣперъ завываетъ,
 Съ прескомъ въ язь клоня лѣса.

✱

Черны ль тучи разовьются:
 Грянетъ громъ -- померкнетъ свѣтъ.
 Съ градомъ ли дожди прольются,
 Тнѣвъ въ нихъ шворческѣй блещетъ.

✱

Я смотрю холоднымъ окомъ
 Съ равною на все поскою,
 И убитый злымъ рокомъ,
 Духъ вездѣ помился мой.

Вся природа оживилась ;
Жизнь весна всему дала ;
Я лишь съ жизнью проспилась,
Я . . . живая умерла.

✱

Время мощною рукою
Изцѣлишь ли раны? — Нѣтъ!
Сердце сжатое плоскою
Смло всё въ одинъ предметъ.

НАУКА О СТИХОТВОРСТВѢ ИЗЪ
Г. БОАЛО *).

П Ъ С Н Ъ I.

Вошце стихами мнишь писатель дерзновенной
Достичь до высоты Олимпа освященной;
Коль слова даръ съ небесъ въ него не вдохновень,
Когда онъ подъ звѣздой пѣшговъ не рождень;
То въ скудномъ разумѣ, какъ узникъ жажеть, не воленъ:
Пегасъ предъ нимъ спрощивъ—Фебъ глухъ и непреклоненъ.

Вы, кои мя въ себѣ Парнасскихъ даръ боговъ, **)
Сквозь перны мчяшеся на поприще умовъ!

*) Сей слабый, наполненный погрѣшностями и недо-
спанками опрывокъ произведенъ тогда, когда не
былъ еще извѣстенъ полный его Сіяшельства Графа
Дмитрія Ивановича Хвостова переводъ всѣхъ чепы-
рехъ пѣсенъ *Науки о стихотворствѣ*. Не находя въ себѣ
столько силъ, дабы сосязаться съ стихотворца-
ми, я оспанавливаюсь на одной первой пѣсни.

**) Здѣсь осмѣлилась я сдѣлать опъ подлинника оп-
спуленіе. Переводя изъ слова въ слово рѣчь: qui
brillant d'une ardeur périlleuse courez du belle esprit etc.

Надъ рифмами себя безплодно не помите,
И спрашивать стихи слагать за знаніе не чпите.
Бѣгите лживыхъ сихъ, приманчивыхъ сѣшей:
Совѣшуйтесь съ умомъ и съ силою своей.

Природа славными обилуя умами,
Блеспили въ писателяхъ различными красами:
Одинъ огонь любви съ пера умѣетъ липъ,
Тотъ Эпиграммою насмѣшливо язвипъ.
Геройски подвиги Малгербъ умѣлъ прославипъ,
Раканъ гѣшь паспушковъ — луга, лѣса предспавипъ;
Но часто гордый умъ себя ласкаетъ любл,
Не знаетъ силъ своихъ, ни самаго себя.
Такъ нѣкпо на брегахъ величественной Сены,
Стихами изчерпя домовъ питейныхъ спѣны, *)
Въ пустыни дикіа безпрепешно потекъ,
Евреевъ соглядаетъ славнѣйшій древлѣ бѣгъ
И силѣсь по воспѣипъ кичливымъ лиры пономъ,
Погибъ въ пучинѣ водъ съ надменнымъ Фараономъ.

Высокой, иль смѣшной предметъ желаетъ гѣшь,
Смыслъ съ рифмою въ связи всегда учисъ имѣшь.

должна была бы я сказать: *О вы, которые, сгарая гибельною страстью, пробѣгаете цѣляное тернати поприще чуждъ и проч.* Что показалось мнѣ весьма неопредѣленнымъ. Не знаю, вразумительно ли выражаютъ сочинитель мысли слова: *ardeur périculeuse* на Французскомъ языкѣ; но знаю, что слова: *гибельная страсть* имѣютъ обширное значеніе и заключаютъ въ смыслѣ своемъ не одну охоту къ стихотворенію, а вообще всѣ вредныя наклонности человѣка.

*) Сенпъ - Аманъ; шворецъ поэмы: *Спасенный Моисей.*

Напрасно намъ онѣ бышь кажупся врагами:
 Умъ долженъ рифмами шакъ править, какъ рабами.
 Бывъ разъ имъ найдены, онѣ смирясь предъ нимъ
 Несупъ ему дары обиліемъ своимъ;
 Но бывъ презрѣнными спановяпся мяшежны;
 Умъ гоняпся имъ въ слѣдъ — онѣ едва съ нимъ смѣжны.
 Любите здравый смыслъ! спарайшесь опъ него
 Весь блескъ и цѣну взяпъ шворенья своего.

Иные буйному предавшися спремленю,
 Виѣ смысла здраваго берупъ мысль къ сочиненю,
 И въ спрашнхъ мняпъ спихахъ унизипся своихъ,
 Тожь мыслл, что возмогъ кпо мыслишь и до нихъ.
 Бѣжимъ сихъ крайностей. — Пущь иѣ алмазы лживы
 Даюпъ въ Ипаліа дурачеспвъ блескъ игривый.
 Все съ здравымъ разумомъ должно лишь бышь въ связи;
 Но шруденъ ходъ къ пому и скользки всѣ спези!
 Кпо мало сбился съ нихъ, мгновенно унопаепъ:
 Умъ часно къ шеспвию одинъ пупъ предлагаепъ.

Иные въ свой разказъ всѣ мысли углубивъ,
 Съ предмета не сойдупъ всего не изпоцивъ.
 Находяпъ ли дворець, попъ часъ снимаюпъ планы.
 „Тупъ зала, шупъ крыльцо, шамъ спальня, шамъ диваны,
 „Вопъ здѣсь среди шполбовъ съ рѣшеткою балконъ,
 „Тамъ рѣзба разная видна со всѣхъ споронъ.“ *)
 Начиупъ попомъ считапъ полы и пополоки,
 Сколь окна высоки, гардины какъ широкы.
 Я двадцашъ вдругъ лисновъ переложу назадъ,
 И чпобъ достпчь конца, скорѣй бѣгу сквозъ садъ.

*) Скюдери, Французской писатель.

Блудишесь сихъ шворцевъ безплоднаго обилья ;
 Бѣгите щещнаго въ подробноснлхъ усилья :
 Все, въ чѣмъ излишекъ есть, несосно и помипъ :
 Не зная въ предѣлахъ бытъ, не будешь вѣкъ пиптъ.

Спрашась не рѣдко зла встрѣчаемся съ сугубымъ :
 Сначала спихъ былъ слабъ, пы сдѣлалъ оный грубымъ ;
 Желая крапкимъ бытъ спалъ шемень и спѣсненъ ;
 Одинъ не споль кудрявъ, но слишкомъ обнаженъ ;
 Другой боая поползтъ, изчезъ подь небесами.

Хопипе ли владѣтъ чипашелей сердцами ?
 Мѣняйпе звукъ своихъ напѣвовъ каждый часъ.
 Всегда подобный слогъ — одинъ и попъ же гласъ
 Вопще блестящъ очамъ : онъ вмигъ насъ усыпляетъ.
 Едва ли кто шого писателя чипаетъ,
 У коего всегда одинъ спихерный спрой.
 Блаженъ, кто легкою въ спихахъ своихъ рукой
 Изъ шупокъ къ важному, изъ нѣжнаго въ угрозы,
 Умѣя пробѣгать, бросаетъ пернъ и розы.
 Его швореніи угодны небесамъ
 И въ дорогой цѣнѣ на пользу продавцамъ.

Бѣгите низкихъ словъ, по буйной черни свойство :
 И самый слогъ проспой имѣетъ благородство.
 Въ насмѣшку разума, вдругъ шуповской языкъ,
 Среди писателей, къ безславыю ихъ изникъ,
 И новостью своей всѣхъ обольспивши взоры,
 Храмъ Музъ преобращилъ въ базарны, шумны сборы.
 Самъ Аполлонъ себя обрядамъ покоря,
 Явился на Парнассъ въ нарядѣ шинкаря,
 И вольности въ спихахъ никшо не звалъ предѣла :

У всѣхъ поэзіи видъ площадной имѣла,
 Сей ядъ сперва облекъ губерньски города,
 Подьячихъ и мѣщанъ, потомъ и господа,
 И Графы, и Князья, и всѣ имъ заразились:
 Для каждаго враля чинапели явились,
 И каждый шупъ погда безмерпьемъ льспинься могъ.
 Но дворъ въ послѣдствіи сей презирая слогъ,
 Наскуча мнимою спиховъ шѣхъ оспропою,
 Въ нихъ разницу найдя съ невинной проспопою,
 Оставилъ низоспи провинцію смѣшинь.
 Да не дерзнуть онѣ вашъ слогъ собой сквернишь!
 Пусшь балагуръ лепинь блиспашъ въ полпѣ народной,
 А вы съ припшностью шуинише благородной.

Не меньше пагубны гигантскіе слѣды,
 Какъ нѣкто воспѣвалъ Фарсальскія бѣды:
 „Спа горъ побитыхъ шѣлъ спенанья слыну спрашны.“

Спарайшесь бышь всегда безъ пышности изящны,
 Искусны въ проспопѣ — припшны безъ прикрасъ;
 Того, что нравинься, чинапель ждепъ опъ васъ.

Имѣише спрогій слухъ въ размѣрѣ ударенья,
 Чшобъ смыслъ оконча рѣчь и дѣлавъ пресѣченья,
 Въ двѣ доли каждый спихъ для роздыха дѣлилъ,
 Чшобъ въ размѣченъи буквъ васъ попъ же слухъ водилъ:
 Еспъ выберъ счастливый рѣченій добротласныхъ,

Блюдишеса, чшобъ буквъ не свеспъ двухъ рядомъ
тласныхъ,
 Илъ грубыхъ звуками спеченія рѣчей.
 Ни благородна мысль, ни связью спихъ своей,

Хотя всѣ правила поэзіи вмѣщаетъ,
Не нравишься уму, коль ухо раздражаешь.

Когда во Франціи Парнасъ извѣспенъ спалъ,
Тогда имъ произволь одинъ лишь управлялъ.
Тогда вся прелестъ Музъ изъ рифмы соспоела,
Она и чистопу и мѣру замѣняла,
Вильо въ сей грубый вѣкъ первѣйшій былъ поэтъ,
Во мракахъ древности искусивъ нашедшій свѣтъ.
Маро ввель спройное балладъ образованье,
Соспавиль пріолетъ, о рондахъ далъ познанье:
Ихъ сложность правильнымъ законамъ покорилъ,
И новыя слѣды къ поэзіи явилъ.
Ронзаръ за нимъ идя иначе путь направилъ:
Все спупалъ, все смѣшалъ, на ладъ свой переладилъ.
Желалъ, какъ власпелинъ, бытъ правиломъ для всѣхъ,
И всякой разъ имѣлъ желаемый успѣхъ.
Но Музы у него повольтъ, безъ разбора,
Афинскимъ языкомъ средъ Гальска разговора
И Римскимъ говоря, чрезъ оборотъ умонъ,
Паденье зрѣли вдругъ высокопарныхъ словъ:
Кичливый сей поэтъ споль быспрымъ низверженьемъ,
Депорту и Берпо служилъ правоученьемъ. —

Малгербъ попомъ нашедъ въ поэзіи размѣръ,
Далъ первый Франціи изящнаго примѣръ,
Словъ силу ей открылъ прилично размѣщенныхъ
И Музъ ввель истиннымъ законамъ подчиненныхъ.
Исправленный тогда имъ щцапельно языкъ
Щадилъ разборчивый слухъ каждаго привыкъъ.
Онъ спансы научилъ пряпному паденью,
И мысль въ стихъ изъ стиха не прыгавъ по хотѣнью;

Всему далъ правила — и позднихъ лѣтъ пѣвцы
 Творенія его берутъ за образцы.
 Послѣдуйте ему въ своихъ произведеняхъ,
 Какъ слога чистошой, шакъ ясностью въ рѣченьяхъ,
 Когда замедлилъ смыслъ мнѣ самъ себя казать,
 Я разума шогда не силенъ напрягать,
 Сквозь кучу словъ пуспыхъ успавши пробивался,
 Нейду съ писашелемъ, чшобъ съ нимъ не поперялся.

У нѣкопрыхъ мысль обвиняя корой
 Мрачна, какъ въ хаосѣ день смѣшанный со пьмой;
 Ни яркій лучъ ума сей пьмы не могъ разчиспиль.
 Не бравшись за перо, учишесь прежде мыслишь.
 По мѣрѣ ясности въ поняши о вещахъ,
 Тажъ ясность самая блиспааетъ и въ рѣчахъ.
 Тому, чшо понялъ самъ, найдешъ и объясненья,
 И рѣчи пошекупъ рѣкой безъ затрудненья.

Умѣйте въ чиспопѣ всегда держашъ вашъ слогъ;
 Не порпьте языка чрезъ выпреннй воспоргъ.
 Вопще музыкой мнишь ольспиль мое вниманье,
 Кошъ ложенъ оборотъ, нешочно гдѣ названье.
 Я звукомъ не прельщусь и не слепу похваля,
 Когда шы мнѣ слова безъ правилъ накидалъ,
 Иль правильно сложа не шо далъ ударенье:
 Не знаяши языка придешъ у всѣхъ въ презрѣнье.

Кшо бъ какъ ни понуждалъ, прудись какъ время есть,*)

*) Скюдери, въ извиненіе своихъ погрѣшностей, говори-
 валь, чшо онъ имѣеть повелѣніе окончить поскорѣ
 свои сочиненія.

И глухой спѣшности не спавь себѣ за честь.
 Твой быспрый виршей покѣ порывиснымъ паденьемъ
 Мнѣ кажеть, что въ враждѣ пы съ здоровымъ разсужденыемъ.
 Я болѣ люблю сей маленькой ручей,
 Который шихою, прозрачною спруей
 По мѣлкому песку капишь журчащи воды,
 Чѣмъ быспрый водопадъ, который въ нешогоды
 Спремся шумно съ горъ все рвенъ—все мчишь, крушишь,
 И мушною волной по рыпвинамъ бѣжишь.
 Спѣшите медленно и бодрости не спрашьте!
 Сто разъ одни спихи прочпите и исправьте;
 Попомъ спарайпесе ихъ снова вычищайте,
 Прибавишь изрѣдка — но чаще убавляшь.

Нѣтъ славы, гдѣ кишать погрѣшности ликами,
 Подъ часъ сверкнушь умомъ, разсѣяннымъ мѣспами.
 Все должно по своимъ мѣспамъ разпредѣлишь,
 Съ серединой и съ концемъ начало согласишь.
 Чпобъ разны опросли обширнаго пиворенья
 Входили въ цѣлое, какъ часпи въ составленье,
 Чпобъ повѣсь, броса въдругъ для опспрыхъ словъ предметъ
 Опъ цѣли въ далекъ имъ не гналась во слѣдъ.

Спрашипесе свѣпомъ бышь въ спихахъ своихъ судимы,
 И будите сами вы къ себѣ неумолимы;
 Во всемъ себѣ ласкашь еспъ спраспъ однихъ невѣждъ,
 Дурачество всегда исполнено надеждъ.

Ввѣрайпесе друзьямъ гошовымъ на сужденья,
 Пусть судяшь васъ во всемъ, не зная низсхожденья;
 Умѣйте спесе въ себѣ пиша побѣждать;
 Но также и льстеца опъ друга опшлячь:

Топъ часно хвалишь вслухъ, кто шумитъ тайно вами,
Прельщайшесь болѣ совѣпомъ — не хвалами.

На каждой лѣспецъ спрокъ находить пѣмы красотъ,
Все нравится ему: связь словъ, ихъ оборотъ,
То счастьемъ упоенъ, то слезы проливаєшь,
Въ воспоргъ плавая васъ лаврами вѣнчаешь
И въ будущихъ вѣкахъ гремитъ о васъ молвой:
У скромной истинны языкъ совѣмъ иной.

Разумный другъ всегда и спрогъ и непреклоненъ;
Едва сошли съ спези, онъ потчасъ беспокоенъ, —
Одной погрѣшности не хочешь вамъ спустить,
На каждой малости готовъ оспановить:
То рѣчи по мѣспамъ приличнымъ разспавляетъ;
То пухлыя слова чернитъ и выгоняетъ;
Тамъ кажется ему мысль главная темна;
Тамъ слогъ шароховапъ, завязка не одна;
А далѣй спихъ нашелъ иль вялымъ, иль небрежнымъ.
Но стихопворецъ сей, какъ къ чадамъ мапъ, бывъ вѣжнымъ,
Всегда и каждую рѣчь съ горячностью любл,
Берепъ обиженныхъ защиту на себя.

„Возможно ли кричишь — и это выраженъе
„Вамъ низкимъ кажется? Какое заблужденъе! —“
Здѣсь слово холодно, не лучшели опнишь?
„Напрошивъ — въ немъ весь даръ согласиємъ плѣняшь.“
Вопъ эпи бы мѣста . . . „Всѣ ахаютъ надъ ними.“
Ипакъ прельсия самъ способностями своими,
Ни въ чемъ себя никакъ не можепъ осуждапъ,
Любимый навикъ въ немъ — ни слова не маратъ.
А ищепъ быпъ судимъ судьею безприспратнымъ,
И съ лирою своей вамъ хочепъ быпъ подвласпнымъ.

*

Но всѣ сіи слова естъ хитрой сѣщи нишь,
Дабы васъ къ слушанью стиховъ своихъ склонилъ.
Попомъ разкланявшисъ лицомъ самодовольнымъ,
Бѣжитъ ихъ прочитавъ глупцамъ себѣ подобнымъ,
Копорыхъ, по грѣхамъ, вездѣ, всегда не нѣтъ!
Не менѣ теперь вралями полонъ свѣтъ,
Какъ и ласкашельми ихъ подлыми обилень:
Не только въ *городкахъ*, ихъ голосъ пакъ же силенъ
У Графовъ — у Князей — и даже у Дворовъ.
Несноснѣйшій поэтъ несноснѣйшихъ стиховъ,
При каждомъ времени въ своихъ пвореньяхъ вздорныхъ,
Поддерживаемъ былъ полною лицъ придворныхъ.
Свершу сапирою: и самые глущы
Глупѣй себя найдутъ, віющихъ имъ вѣнцы. —

О Т Р Е Ч Е Н І Е.

(Переводъ).

Увянь душистый лавръ, зеленый,
 Вплетенный вновь въ мои власа!
 Спади — какъ молніей сожженный —
 Не пы главѣ моей краса!
 Спади! — да съ прахомъ ногъ шебя моихъ смѣсто!

*

Изсяхни для меня прозрачный
 Каспальскихъ, сладкихъ водъ ручей;
 Пусшь славою упишься алчный
 Прохладой манился пвоей:
 Я водъ пвоихъ вкусишь не жажду.

*

Порвишесь струны на цѣвницѣ!
 Почто мнѣ гласъ созвучный данъ?
 Почто мнѣ почестъ, какъ пѣвицѣ?
 Почто хвалы далекихъ спранъ?
 Какъ эхо въ пустошѣ, онѣ во слухѣ гибнуть..

Что мнѣ вселенной удивленье?
 Что цѣль вѣковъ? Попомспва гласъ?
 Мнѣ миръ — единыхъ успѣ движенье;
 Мнѣ цѣль вѣковъ — единый часъ:
 А почести — а слава дымъ.

*

Вонъ памъ — на швердомъ основаны
 Воздвигнушъ изъ алмаза храмъ;
 Его сверкающи сіяны,
 Подобно Фебовымъ лучамъ,
 Изъ края въ край вселенну озаряющъ.

*

Вокругъ его сонмъ игръ — веселья;
 Внутри поставленъ мой кумиръ:
 Туда хожу на поклоненья,
 Тамъ звуки извлекаю лиръ,
 И гласъ прерывистый съ персами соглашаю.

*

Кто легки облака перловы,
 Отъ жершвъ ко храму возсылалъ?
 Кто свѣжіе вѣнцы лавровы
 Къ споамъ кумира полагалъ?
 Кто розы, миршы несъ — лилеи и жасмины?

*

Не яль, роскошной Флоры пкани,
 Къ нему перенесла на проиъ?
 Но что кумиру почести, дани? —
 Изваянь изъ мешалла онъ:
 Къ мольбѣ — къ куренью — къ фиміамамъ хладенъ.

Вопще маспики благовоны
 На жертвенномъ я жгу огнѣ;
 Вопще слагая гимны спройны,
 Пою хвалы ему однѣ:
 Ни успѣ движенья нѣтъ — ни вѣждъ въ неблагодарномъ,

★

Чтѣ смертныхъ степени? чтѣ слава?
 Чтѣ громъ похвальныхъ, пышныхъ словъ?
 Надменныхъ хладная забава:
 Мечта помѣшанныхъ умовъ!
 Гордецъ чуждъ радостей — средъ славы часпѣ спонешъ.

★

Взгляни! Мидасъ злаполюбивый
 Томился злапомъ окружень;
 Паль съ высоты Икаръ кичливый,
 За буйный замысль поражень;
 Рвушь дерзкаго грудь Прометей враны.

★

Орфей не гнался за мечшами,
 Не спавиль въ славу сердца хладъ;
 Взгляни! Онъ помѣщенъ съ богами:
 Его любовь почпилъ самъ адъ —
 И Флегетонъ килѣшь — и пси зѣль прешали.

★

Прешашъ ли боги къ оцуценьямъ,
 Прешашъ ли сердце опверзашъ?
 Ко гласу лирному, къ моленьямъ,
 Прешашъ ли смерпнымъ слухъ склоняшъ?
 Не искра ль божешва ихъ грудь блюдешь ошъ мраза?

Умолкни лира пихозвучна!
Почпо пвой слабый гласъ? — Преспань ...
Съ мешалломъ пвердоспъ неразлучна;
Съ кумиромъ — жерпвъ маспичныхъ дань;
Со мной могильный мракъ, и шишина усопшихъ.

К О Н Е Ц Ъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
ЦИКЛОПЪ, Идиллія. (вольный переводъ Θεокрипа).	1.
ЛИВІЯ, Идиллія. (Переводъ).	7.
МОЛИТВА ЛИНДАНЫ. (Переводъ).	10.
КЪ БОГИНѢ СНОВИДѢНІЙ. (Переводъ).	18.
НА ВЫСТУПЛЕНІЕ РОССІЙСКО-ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВОЙСКЪ.	21.
ПРИ ВЗГЛЯДѢ НА ГРОБНИЦЫ ВЕЛИКИХЪ: ИМПЕ- РАТОРА ПЕТРА I и ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ ПЕТРОПАВЛОВ- СКОЙ КРѢПОСТИ.	26.
НА СМЕРТЬ ДРУГА МОЕГО. -	27.
ЕЙЖЕ.	28.
АНГЕЛЪ СМЕРТИ.	29.
СУМЕРКИ.	30.
ВИДѢНІЕ ДАМОНА.	34.
КЪ ПОРТРЕТАМЪ ДВУХЪ БРАТЪЕВЪ АЙЮ. -	39.
БРАТУ МОЕМУ.	40.
НА СЛУЧАЙ СМЕРТИ НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ХЛѢБ- НИКОВА.	42.
СЪ ПРИМОРСКАГО БЕРЕГА. (Переводъ). -	43.
ЮНОМУ ПОЛЛУКСУ. (Переводъ). -	46.
РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ АПОЛЛОНОМЪ И МУЗОЮ БѢД- НАГО СТИХОТВОРЦА.	50.
РАЗГОВОРЪ У ОБЩЕСТВА СО ВРЕМЕНЕМЪ. -	52.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
ПРОХОЖИЙ И ГОСПОДСКІЙ СЛУГА. Басня.	53.
ВОЛЬ, ОСЕЛЬ И КОНЬ. Басня.	55.
ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ДМИТРИЕВУ. При посвященіи ему елѣдующихъ I Сказки и III Басенъ. -	57.
ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ И ЗОЛОТО. Сказка..	59.
СМЕРТЬ И ЕЯ ПРИДВОРНЫЕ. - Басня -	63.
ЧУГУННЫЕ И ГЛИНЯНЫЕ ГОРШКИ. Басня.	65.
РУССКАЯ ПОСЛОВИЦА. Басня.	68.
ТѢМЪ, кошорые предлагали мнѣ писать гимны.	70.
МОЙ ПОРТРЕТЪ, СПИСАННЫЙ НА ДОСУГЪ ВЪ ОСЕННИЕ ВѢТРЫ ДЛЯ ПРИЯТЕЛЕЙ.	72.
ПРИ ВСТРѢЧѢ ВЕСНЫ. - -	87.
НАУКА О СТИХОТВОРСТВѢ ИЗЪ Г. БОАЛО.	
Пѣснь I. -	91.
ОГРЕЧЕНІЕ. (Переводъ). -	101.

П О Г Р Ъ Ш Н О С Т И.

Спран. Спр.	Напечатано:	Читай:
12. 5.	Съ копьемъ при поясѣ,	Съ мечемъ при поясѣ,
14. 15.	рѣкъ:	рекъ:
23.	сынъ	сынъ,
25. 7.	спрешишя,	спремшя,
60.	7 снизу. просѣнкой, -	проспенькой,
75.	4 снизу. бога	Бога

Сверхъ сего находяшяся еще нѣкоторыя типографическія, не столь важныя погрѣшности, которыя, въ надеждѣ на снизхожденіе чипапеля, здѣсь не вынесены.
